

Жизнь как путешествие

хронотопы и нарративная самоидентификация в автобиографическом интервью

Юлия Бахтина
Тамперский университет
Институт современных языков, переводоведения и литературоведения
Отделение русского языка и культуры
Дипломная работа
Май 2014

Признательность

Я с большим удовольствием воспользуюсь данной возможностью, чтобы выразить мою глубочайшую признательность прежде всего моим научным руководителям – профессору Арье Розенхольм, Марье Рюткёнен и Ирине Савкиной за вдохновение и поддержку в процессе написания моей дипломной работы. Обучение у профессора Матти Хювяринена явилось краеугольным камнем в написании данной работы, без чего невозможно представить ее существования.

Я глубоко благодарна нашему университету г. Тампере за предоставленную мне возможность приобщиться к этому прекрасному миру науки, встретить множество интересных людей и обрести замечательных друзей. Трудно переоценить все те возможности, которые предлагаются студентам финских университетов и мне как одной из них.

И, конечно же, я от всего сердца благодарю мою дорогую семью – моего мужа Ханну и наших сыновей Даниэла и Никласа за их любовь, за то, что они дали мне возможность учиться и двигаться вперед, и просто за то, что они есть.

Abstract

This thesis studies the narrative interview of an Ingrian woman, who was evacuated to Finland with her family as thousands of other Ingrian Finns during the Second World War, according to the agreement between Finnish and German authorities. However, in 1945 the government of the USSR demanded return of those “soviet citizens” back to the Soviet Union, where they would live in Siberia or other places of the Soviet Russia without any right to go back to the places of their origins or leave the country. Therefore, tens of thousands Ingrian Finns who survived the WWII had to survive also the life in exile.

The problematic of Ingrian Finns has been studied by different scientists from a variety of academic fields. This thesis makes an attempt to find out how the interviewee shapes her identity and constructs spaces and chronotopes during the process of narration, what kind of interconnection is there between the categories *identification* and *space* in the autobiographical interview.

This research is constructed as a case study design. In order to understand remigrant woman’s sense of identity and space gender approach is combined with cultural studies’ perspective in addition to sociological framework. By using narrative analysis this study tries to investigate which meanings in the text of the autobiographical interview emphasize the significance of some events and periods of time in the participant’s life. What kind of events are there as a background on which the respondent shapes her identity and constructs spaces? How the narrator creates places and what are their meanings? These and some other questions arise here during the research. Hence, this study makes an attempt to define and deeply analyze the key concepts and events chosen by the respondent in her story-telling that play essential part in the process of identification and the construction of space in narrative.

As a kind of discourse, narrative involves a dialogue about the variety of perceptions and understandings of the world. It has been an absolute privilege to be able to take a part in a life journey of the person who is willing to share her own understanding of the world and the way she makes sense of life. This kind of life experience makes the study unique and valuable by offering different perspectives on identity and space research.

Key words: identification, space, autobiographical interview, narrative, chronotope, narrative analysis, remigration, dislocation

Содержание:

Признательность	
Abstract	
1. Введение	1
1.1. Направление и структура работы.....	2
1.2. Материал исследования и вопросы этики.....	3
1.3. Цель работы и центральные вопросы исследования.....	4
1.4. Изученность проблематики	6
2. Репатриация.....	8
2.1. Иммиграция в Финляндию	8
2.2. Эмиграция из СССР и постсоветской России.....	10
2.3. Репатрианты	12
3. Теоретические и методологические рамки исследования	14
3.1. Идентичность и идентификация в культурологических исследованиях	14
3.1.1. Нарративные исследования и нарративная самоидентификация	17
3.2. Гендерная идентичность.....	21
3.3. Пространство и место	25
3.3.1. Хронотоп	27
3.3.2. Воображаемое пространство, дислокация и «размывание идентичности»	28
3.4. Интервью и диалог	30
4. Хронотопы в нарративе и нарративная самоидентификация: анализ интервью.....	35
4.1. Хронотоп детства: я – финка	35
4.1.1. Мир детства.....	38
4.1.2. Роль семьи	42
4.2. Хронотоп чужой России: я – ингерманландка.....	46
4.2.1. Обретенная и вновь утраченная Ингерманландия	48
4.2.2. Жизнь в изгнании	49
4.3. Хронотоп исторической родины: я все-таки больше финка, чем русская	53
4.3.1. Возвращение в Финляндию: противоречивость нарративной самоидентификации	53
4.3.2. Гендер в нарративной самоидентификации.....	61
5. Заключение.....	64
Список источников	68

*...Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и всё – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно - рябина ...
Марина Цветаева*

1. Введение

В современном мире понятия *идентификация* и *пространство* являются неотъемлемыми составляющими процессов глобализации и растущей человеческой мобильности. Постоянные изменения в организации и структуре современного общества подчеркивают актуальность проблематики самоидентификации и пространственной принадлежности человека в сегодняшней действительности, где практически каждый в той или иной степени является мигрантом.

Процессы формирования мигрантами идентификации и конструирования пространства и места уже не первое десятилетие привлекают внимание исследователей. Представляя глубокий интерес для ученых различных научных сфер, данные категории становятся все более популярными в самых разных интерпретациях. Интересно, например, то, насколько по-разному протекают процессы самоидентификации в новой среде у представителей разных этнических групп. Порой прослеживается явное отождествление мигрантами себя с носителями своей родной культуры в чужой стране и, соответственно, противопоставление себя местному населению данной страны. Либо наблюдается процесс формирования другой идентификации, максимально приближающейся к культурным ценностям новой среды обитания. Нередко самоидентификация обретает какие-то иные черты.

Такие же гетерогенные процессы могут наблюдаться и в конструировании мигрантами пространства. На фоне представления о своем и чужом пространстве, о том, что является родным и близким, далеким и чуждым, происходит конструирование некоего воображаемого пространства. Так, иногда, готовясь к переезду на новое место, будь то в пределах одного города, страны или за границу, человек строит определенные представления о новом пространстве, эмоционально окрашивая и наделяя воображаемые места своими ожиданиями. Однако зачастую случается так, что по прибытии это ожидаемое, или воображаемое, пространство встречает человека своими неожиданными чертами и свойствами, которые могут совсем не сочетаться с изначальными представлениями о нем. В результате миграции нередко возникают

различного рода несоответствия, или дислокации. Уже само перемещение с одного места в другое может рассматриваться как дислокация, смещение.

Несмотря на то, что миграция совсем не является чем-то новым в истории человечества, явные изменения в природе этого социального явления побуждают исследователей к созданию новых теоретических и методологических подходов к данной проблематике. Все больше внимания в научном дискурсе уделяется гендерным исследованиям, вопросам распределения гендерных ролей в современном обществе. Не остается без внимания и рост женской миграции, обусловленный главным образом экономическими, политическими и социальными факторами, что также вызывает глубокий научный интерес.

В настоящем исследовании концепции *идентификация* и *пространство* рассматриваются в рамках нарративного анализа. Последующие разделы данной главы приводят более подробное описание направления исследования, структуры работы, центральных вопросов и материала исследования, а также краткого обзора ряда существующих по данной теме научных публикаций.

1.1. Направление и структура работы

В настоящей работе рассматривается нарративное жизнеописание ингерманландки, переехавшей в Финляндию из постсоветской России. В исследовании предпринимается попытка проанализировать процесс формирования самоидентификации, конструирования воображаемых мест и пространства в ходе нарративного интервью, а также определить возможные противоречия между некогда существовавшими и подчеркнутыми в повествовании индивидуальными представлениями и ожиданиями респондента и социальной реальностью. Концепция *дислокации* рассматривается здесь лишь в некоторых из ее многогранных значений, представляющих интерес в данном исследовании. Такой подход, поможет глубже проанализировать, каким образом рассказчица создает и изменяет представление, например, об определенных местах в формировании самоидентификации и конструировании пространства в процессе автобиографического повествования.

Согласно построению данной работы, за введением следует глава *Репатриация*, кратко описывающая вопросы миграции и репатриации в Финляндию главным образом из СССР и постсоветской России. В главе *Теоретические концепции и методология*

рассматриваются ключевые концепции настоящего исследования, такие, как идентичность и идентификация в культурологических исследованиях, нарративные исследования и нарративная самоидентификация, гендерная идентичность, пространство и место, идентификационные и пространственные дислокации, а также интервью и диалог. Кроме того, здесь будет кратко рассмотрено понятие *хронотопа*, поскольку временно-пространственная взаимосвязь играет важную роль в автобиографическом повествовании. Следующая глава *Хронотопы в нарративе и нарративная самоидентификация: анализ интервью* представляет собой непосредственно нарративный анализ изучаемого в данной работе текста автобиографического интервью. Разделы данной главы являются своего рода отражением выделенных респондентом значимых хронотопов, которым рассказчица отводит решающую роль в процессе нарративной самоидентификации. В главе *Заключение* представлены основные выводы из проведенной работы, представлены результаты нарративного анализа, осуществлен обзор ответов на центральные вопросы исследования, а также предложены темы для дискуссии и возможные рекомендации для дальнейшего изучения данной проблематики.

1.2. Материал исследования и вопросы этики

Исходным материалом, или первичным источником, для настоящего исследования служит текст нарративного интервью, которое представляет собой автобиографическое повествование ингерманландки о переезде в Финляндию со своими родителями во время второй мировой войны, о вынужденном возвращении с семьей обратно в Советский Союз и эмиграции снова в Финляндию уже из постсоветской России. Интервью было проведено на русском языке лектором института современных языков, переводоведения и литературоведения университета г. Тампере, кафедры русского языка и культуры И. Савкиной. Данный материал используется в настоящей работе с разрешения научного руководителя.

Перед проведением интервью респондент была ознакомлена с правилами, касающимися этической стороны исследования. Интервьюер объяснила, для чего собирается интересующий сотрудников кафедры материал. Респондента заверили в использовании предоставленной информации в исключительно научных целях, а также в строгой конфиденциальности использования данных автобиографии информанта, без упоминания персональной информации, указывающей на ее личность. В результате,

были подписаны необходимые документы, согласно которым, респондент дала свое согласие на использование данной информации в процессе проведения научных исследований.

Необходимо заметить, что автор данной работы тоже является эмигранткой, переехавшей в Финляндию из постсоветской России. Отсюда возникает некая связь между исследователем и респондентом через эмиграцию и личный опыт жизни в Советском Союзе и Финляндии. Такое сходство в некоторой степени объясняет и личный интерес исследователя к данной работе, тем самым повышая вероятность субъективного влияния автора на результаты нарративного анализа. Однако, поскольку история респондента представляет собой интерес для исследования как повествование о ее собственном пережитом опыте, чувствах и переживаниях, которые, несомненно, влияют на процессы самоидентификации и конструирования пространства в ходе автобиографического интервью, в данной работе необходима максимальная незаинтересованность со стороны исследователя. Поэтому автор работы принимает нейтральную позицию в процессе исследования, стараясь описывать и анализировать нарративное интервью с наименьшим вмешательством своих собственных чувств и переживаний, понимая при этом, что в качественном исследовании в тот или иной степени присутствует влияние автора.

1.3. Цель работы и центральные вопросы исследования

Целью настоящего исследования является анализ процесса нарративной самоидентификации и конструирования пространства в автобиографическом интервью ингерманландки, переехавшей в Финляндию. Большой интерес для данной работы представляет изучение взаимодействия и взаимовлияния категорий идентичности и пространства в нарративе. Изучаемое здесь автобиографическое повествование относится к жанру жизнеописания. Таким образом, исследователю предоставляется уникальная возможность принять участие в «жизненном путешествии» респондента и изучить автобиографическое повествование с точки зрения нарративного анализа.

Используя нарративный аналитический метод, в исследовании предпринимается попытка установить, какие смыслообразующие моменты в тексте автобиографического повествования указывают на особую в понимании респондента ценность тех или иных событий и периодов в ее жизни. На фоне каких событий в повествовании происходит

формирование идентичности и конструируется пространство? Как создаются те или иные места и какие значения у них образуются? Эти и некоторые другие дополнительные вопросы встают перед автором в процессе работы.

Важно заметить, что поскольку респондентом в настоящем исследовании является женщина, возникает существенная необходимость рассмотреть конструирование рассказчицей самоидентификации с точки зрения гендерных исследований: как в процессе автобиографического повествования конструируются гендерные отношения, например, в семье респондента, какова роль ее семьи в процессе самоидентификации?

Нарративный анализ позволит глубоко проанализировать наиболее яркие эпизоды автобиографического повествования рассказчицы, конструируемые и излагаемые ею в процессе нарративного интервью. Таким образом, настоящее исследование стремится определить и подробно рассмотреть выбранные респондентом центральные смыслообразующие понятия и события, приведенные в автобиографическом интервью и играющие решающую роль в формировании ее идентичности и конструировании ею пространства в ходе повествования.

Наряду с вышеизложенными задачами, в настоящей работе предпринимается попытка подтвердить или опровергнуть следующую гипотезу:

В процессе автобиографического повествования происходит формирование новой нарративной идентичности, с одной стороны, основывающейся на всех ранее сформированных респондентом идентичностях, а, с другой стороны, обретающей новые признаки в процессе повествования.

Таким образом, с помощью нарративного анализа необходимо найти ответы на нижеприведенные вопросы, которые являются центральными в ходе исследования:

1. Каким образом формируется идентичность в процессе нарративного интервью?
2. Как в автобиографическом повествовании конструируется пространство и создаются места, точнее, хронотопы?
3. Какова взаимосвязь между категориями *идентификация* и *пространство* в рассмотренном нарративном интервью?

Объединяя категории *репатриация*, *идентификация*, *пространство*, *хронотоп* и *нарратив* в одной работе, в настоящем исследовании предпринимается попытка проанализировать данные понятия, их взаимодействие и взаимовлияние. Подобная

работа интересна с культурологической и социологической точек зрения, пополняя собою межкультурные исследования.

1.4. Изученность проблематики

Научная литература, затрагивающая проблематику идентификации и пространства, представляет собой вторичный исследовательский материал, необходимый для построения настоящей работы. Данные темы являются одними из наиболее популярных в современном научном дискурсе, привлекая внимание исследователей самых разных научных областей. Так, в своей публикации *From Pilgrim to Tourist – or a Short History of Identity* социолог З. Бауман отмечает, что на сегодняшний день мы слышим об идентичности и связанных с нею вопросах больше, чем когда-либо прежде. Бауман обращает внимание на разницу в подходах к проблематике в периоды модернизма и постмодернизма. Если раньше вопросы идентичности сводились к конструированию устойчивой идентичности и поддержанию ее стабильности, то постмодернистские подходы сводятся главным образом к воздержанию от любого рода фиксации, сохраняя свободу выбора. (Bauman 1996: 18.)

Э. Эриксон пишет о непостижимой и всепроникающей природе идентичности. В своих работах по психосоциальному развитию человека автор подчеркивает, что процесс идентификации происходит как в самой сущности человека, так и в сущности культуры общества. Эриксон обращает внимание на то, что при изменениях в культуре общества возникают новые проблемы идентичности. (Erikson 1994: 160.) Социолог и культуролог С. Холл рассматривает категории «идентичность» и «идентификация» в различных контекстах, делая акцент на сложности и неизученности понятия «идентификация». Холл подчеркивает, что с точки зрения дискурсивного подхода, идентификация рассматривается как конструирование, непрекращающийся процесс, который постоянно в процессе. (Hall 1996: 2.)

В своих работах О. Давыдова изучает проблемы репатриантов и русскоговорящих переселенцев в Финляндии, их представления о *финскости* и *русскости*, о многоуровневой этничности, то есть рассматривает процессы формирования иммигрантами самоидентификации. Исследования Давыдовой самым непосредственным образом затрагивают рассматриваемую в настоящей работе проблематику.

Социолог и географ Д. Мэсси занимается исследованиями в сфере пространства. Мэсси предлагает множество различных подходов к проблематике пространства и места, рассматривая данные категории в разных контекстах. Совместно с П. Джесс автор подготовила и издала коллективную монографию *A place in the world: places, cultures and globalization*, в которую включили свои научные статьи такие ученые, как С. Холл, Р. Кинг, Д. Роуз, а также сами Мэсси и Джесс. Так, к примеру, географ Р. Кинг в работе *Migrations, globalization and place* пишет о тесной взаимосвязи миграции, глобализации и места, их несомненном взаимовлиянии друг на друга. Кинг определяет миграцию, в частности, международную миграцию, как неотъемлемую составляющую процесса глобализации. Согласно автору, миграция является проявлением и зачастую даже решающим фактором неравномерного пространственного развития, что, в свою очередь, способствует возникновению интересных вопросов относительно меняющейся природы места. (King 1995: 7.) Географ и культуролог Д. Роуз рассматривает идентификацию и место как тесно связанные категории. В публикации *Place and Identity: a sense of place* автор фокусирует внимание на том, как люди чувствуют и как они думают о местах. Согласно Роуз, многие географы используют понятие «чувство места», когда они хотят подчеркнуть значимость определенных мест из-за того, что они являются сосредоточением чьих-то личных чувств (Rose 1995: 88). В своей работе Роуз указывает на определенные варианты идентификации с местом: принадлежность к определенному месту, идентификация против данного места (отчуждение) и «неидентификация», т.е. отсутствие самого процесса идентификации. (Rose 1995: 92.) Подобный подход к категориям *идентификация* и *место* представляет собой интересную основу как для теоретической, так и для аналитической частей данного исследования.

Социолог М. Хювяринен является одним из ведущих современных ученых в области нарративных исследований. Нарративный анализ в настоящей работе строится главным образом на основе научных публикаций Хювяринена, Дж. Брюнера, Д. Хермана, Д. Фелана и некоторых других ученых, занимающихся проблематикой нарратива.

Перечисленные выше публикации и многие другие научные труды представляют собой вторичные источники исследования и будут использованы как для создания теоретической основы, так и для построения диалога между теоретической и практической частями в настоящей работе.

2. Репатриация

В современном мире остается все меньше тех людей, которые рождаются и проводят всю свою жизнь в месте своего рождения. Даже переезд на незначительное расстояние в пределах одного города, не говоря уже о международных перемещениях, вносит свой вклад в процесс, который непрерывно меняет облик пространства и мест в нем (Massey 1995: 7). Однако, некоторые из покинувших когда-то родину по каким бы то ни было причинам все же возвращаются туда, становясь, таким образом, *репатриантами*.

В данной главе рассматриваются вопросы миграции и репатриации в Финляндию, в которой решающую для настоящей работы роль отведена истории переезда в Финляндию репатриантов из СССР и постсоветской России.

2.1. Иммиграция в Финляндию

Исторически сложилось так, что до конца 1980-х гг. Финляндия главным образом являлась страной эмиграционных исходов, откуда люди уезжали за границу, например, в поисках лучшего трудоустройства. США, Канада и Австралия, которые традиционно считались странами назначения, привлекающими мигрантов, легко принимали жителей северной Европы. О. Давыдова упоминает о сотнях тысяч эмигрировавших в США и Канаду финнов, начиная со второй половины XIX века и до второй мировой войны (Давыдова 2003: 68). Наряду с дальним зарубежьем соседние Россия (позднее СССР), Швеция и западноевропейские страны также привлекали финнов экономическими перспективами. Согласно Давыдовой, к середине 1930-х гг. в Советском Союзе, главным образом в северо-западном регионе, насчитывалось около 32 тысяч бывших финских граждан (там же).

Одновременно с процессами эмиграции из страны незначительное число переселенцев из других стран, в основном из Европы, оседало в Финляндии, о чем свидетельствуют, к примеру, статистические данные о языковой структуре населения страны (Таблица 1). В период между второй мировой войной и 1980-ми гг. количество иммигрантов в Финляндии было крайне ограничено. В сравнении с другими европейскими государствами Финляндия до сих пор остается европейской страной с наименьшим процентным соотношением населения иностранного происхождения, составляющего 5.3 % от численности населения в 5.4 млн. человек (Population structure 2014, www).

Таблица 1. Языковая структура населения Финляндии, процентное соотношение (1900-2013 гг.):

Родной язык	1900	1950	1990	2000	2005	2010	2013
Финский	86,75	91,1	93,53	92,42	91,64	90,37	89,33
Шведский	12,89	8,64	5,94	5,63	5,5	5,42	5,34
Саамский	0,06	0,06	0,03	0,03	0,03	0,03	0,04
Русский	0,29	0,12	0,08	0,54	0,75	1,01	1,22
Другие	0,01	0,08	0,42	1,37	2,07	3,16	4,09

Источник: Statistics Finland 2014.

Наиболее ранние волны миграции из Финляндии относились главным образом к трудовым, когда люди отправлялись за границу на заработки, в надежде прокормить свои семьи в условиях слабого уровня развития сельского хозяйства (Давыдова 2003: 68). Основные группы прибывших в Финляндию в 1990-х гг. составили финны-репатрианты и беженцы (Heikkilä & Peltonen 2002, www). Поскольку в 1980-е гг. в Финляндии полным ходом шел экономический подъем, уже в эти годы финны-репатрианты возвращались на свою историческую родину, в том числе и ингерманландцы (Давыдова 2003: 72). Таким образом, процесс репатриации начался еще до того, как в 1990 г. президент М. Койвисто объявил о Праве на возвращение в Финляндию для ингерманландцев, как и для других этнических финнов.

Возросшее число мигрантов из России и Эстонии в начале 1990-х гг. объясняется распадом СССР в 1991 г., распахнувшим ворота для эмиграционных исходов. Согласно официальной финской статистике, в конце 2013 г. в Финляндии постоянно проживали 207 511 иностранных граждан, в то время как иноязычная часть населения страны составила 289 068 человек. Крупнейшие этнические меньшинства Финляндии представлены эстонцами, русскими и шведами, на что указывают данные Таблицы 2. Интересно заметить, что еще в 2006 г. статистические данные свидетельствовали о прямо противоположной пропорции эмигрантов из России и Эстонии, составлявших соответственно 20.8 % и 14.5 % от числа иностранных граждан, проживающих в Финляндии. Это объясняется первыми крупными потоками иммиграции финнов-репатриантов из постсоветской России в Финляндию (Niemi 2007, www; Population structure 2014, www.)

Таблица 2. Иностранцы граждане, проживающие в Финляндии (2012-2013 г.):

Гражданство	2012	%	2013	%
Эстония	39 763	20	44 774	21,6
Россия	30 183	15,4	30 757	14,8
Швеция	8 412	4,3	8 382	4
Сомалия	7 468	3,8	7 465	3,6
Китай	6 622	3,4	7 121	3,4
Тайланд	6 031	3,1	6 484	3,1
Ирак	5 919	3	6 353	3,1
Турция	4 272	2,2	4 398	2,1
Индия	4 030	2,1	4 372	2,1
Великобритания	3 878	2	4 048	2
Другие	78 933	40,4	83 357	40,2
Всего	195 511	100	207 511	100

Источник: Statistics Finland 2014.

2.2. Эмиграция из СССР и постсоветской России

Распад Советского Союза коренным образом изменил природу миграции людей как внутри страны, так и за ее пределы. Привыкшие к определенной идеологической и территориальной изолированности от внешнего мира бывшие советские люди неоднозначно воспринимали радикальные перемены в России и ее еще недавно союзных республиках. С детских лет населению СССР внушалось, что прочно закрытые и зорко охраняемые границы советского государства предохраняют жителей страны от вражеских злоумышленников и шпионов, которые так и норовят навредить советским людям. Не трудно представить, насколько взрослому человеку, способному мыслить самостоятельно, тяжело было осознавать, что «граница на замке» была не для защиты от врагов, а для предотвращения эмиграции населения из Советского Союза. (Восленский 1985: 416). Изменение российской миграционной политики повлекло за собой очередные волны эмиграционных исходов из страны. В сравнении с предыдущими периодами эмиграции из царской России и СССР, особенно после снимающих ограничения на выезд изменений в законодательстве страны в 1986 и 1991 гг., переезды за границу можно охарактеризовать главным образом как добровольные, заранее подготовленные гражданами и официально разрешенные со стороны государства выезды из страны (Попков 2007: 153, www).

В результате значительного снижения миграционного контроля внутри государства в период последнего десятилетия Советского Союза и особенно в постсоветское время

разные группы переселенцев из СССР и постсоветской России рассеялись по миру, оседая главным образом в странах северной и западной Европы и США.

С начала 1990-х гг. ранее достаточно гомогенная по составу населения Финляндия начала принимать резко увеличившийся приток переселенцев. Новая волнообразная иммиграция в Финляндию характеризуется сменяющимися друг друга периодами резкого возрастания и затихания. Кроме того, по разнородности состава прибывающих переселенцев их можно разделить на три основные группы: иммигранты, репатрианты и беженцы. Таким образом, начиная с этого периода, число иностранных граждан, постоянно проживающих в Финляндии, значительно возросло. В 1990 г. президент М. Койвисто объявил о принятии нового закона о выдаче проживающим на территории бывшего Советского Союза ингерманландским финнам вида на жительство, способствуя, таким образом, их возвращению в Финляндию. Важно заметить, что не только возвращенцы из бывшего Советского Союза пользовались этим преимуществом. Также по этому закону возвращались граждане финского происхождения, проживающие, например, в США, Канаде и других странах. В результате около 40 000 репатриантов воспользовались Правом на возвращение, переезжая в Финляндию в течение последних десятилетий и получая при этом специальную социальную поддержку со стороны государства (Tanner 2011, www). Однако в 2010 г. финское правительство пересмотрело закон о Праве на возвращение, и с этого времени проживающие за границей лица финского происхождения подчиняются тем же требованиям, что и любые иностранные граждане, желающие переехать в Финляндию. Таблица 3 указывает на волнообразность природы миграции населения между Финляндией и Россией в постсоветский период.

Таблица 3. Миграция населения (1997-2012 гг.):

	1997	2000	2005	2010	2012
Миграция из Финляндии в Россию	140	83	129	178	342
Миграция из России в Финляндию	923	1142	737	517	572

Источник: Международная миграция. Федеральная служба государственной статистики.

В настоящее время наиболее распространенными предпосылками для переезда русскоговорящих граждан в Финляндию являются воссоединение семьи и замужество.

Согласно официальной финской статистике, более половины выходцев из бывшего СССР и постсоветской России, проживающих в Финляндии, составляют женщины, что в основном объясняется замужеством с финнами. Х. Ниemi подчеркивает, что из всех браков между иностранцами и финскими гражданами наиболее частым является замужество русской женщины с финном. Другими достаточно распространенными предпосылками для эмиграции русскоязычного населения в Финляндию являются работа и обучение. Однако репатрианты из бывшего Советского Союза и постсоветской России составляют более половины от общего числа всех русскоговорящих иммигрантов в Финляндии (Niemi 2007, www).

2.3. Репатрианты

Для сохранения фокуса работы здесь не будет проводиться обзор всей гетерогенности этнических финнов, возвращающихся в Финляндию, а лишь возвращенцы из бывшего Советского Союза – ингерманландские финны – являются наиболее важной для данного исследования группой репатриантов.

П. Невалайнен (Nevalainen 2008: 5) пишет об активном заселении Ингерманландии финскими поселенцами с распространением на эти территории шведского влияния в первой половине XVII в. в результате русско-шведской войны и заключения Столбовского мира в 1617 г.. Расширившиеся шведские территории приграничных с Россией областей начали заселяться финскими крестьянами, которые постепенно сформировали население Ингерманландии. Как следствие последующих военных действий между Россией и Швецией, по Ништадтскому договору 1721 г., ранее завоеванные земли вместе с осевшим на них финским населением отошли обратно к России. Позднее история назовет эти районы Ленинградской областью, в которой и родилась участница данного исследования. О. Давыдова назвала эти первые поселения финнов на теперь уже российских территориях «самым старым сегментом финского населения России» (Давыдова 2003: 67). Е. Туули и П. Невалайнен подчеркивают, насколько упорно ингерманландские финны сохраняли свою финскость и отвергали русскость, будучи угнетенным меньшинством в составе России и затем СССР (Туули 1988: 15; Nevalainen 2008: 5).

Как упоминалось выше, до начала второй мировой войны миграционное движение Финляндии в основном характеризовалось направлением из страны. Однако в 1943-44

гг. с оккупированных немецкими войсками территорий союзники вывозили ингерманландских финнов в Финляндию. Неваляйнен упоминает о том, что многие ингерманландцы не хотели подчиняться и покидать свои деревни. В результате некоторые из них прятались в лесах, хотя выбор был невелик, поскольку уже в августе 1941 г. правительство СССР издало указ о выселении людей финского и немецкого происхождения, рассматриваемых как ненадежных, с прилегающих к Ленинграду территорий. Так, с началом блокады Ленинграда наиболее заселенные центральные области бывшей Ингерманландии оказались центром боевых действий с обрушившимися на них бомбардировками.

Зимой 1941-42 гг. на занятых немецкими войсками территориях Ленинградской области проживали 76 342 ингерманландца, из которых 66 946 были финнами, 8 729 – ижорцами и 667 представителей народа воедь. В других районах Ленинградской области, оставшихся в начале войны под влиянием СССР, насчитывалось около 30 тысяч ингерманландцев. (Nevalainen 2008: 6.) Е. Туули, указывает на существование документов, согласно которым, более половины из числа оставшихся на советских территориях ингерманландцев были убиты и около трети из них в начале 1942 г. были высланы в Сибирь (Tuuli 1988: 17; Nevalainen 2008: 6).

Согласно О. Давыдовой, в 1943-44 гг. почти все ингерманландское население оккупированных немецкими войсками районов Ленинградской области, составляющее около 62 тысяч человек, было вывезено в Финляндию. А уже в 1945 г. по условиям мирного соглашения между Финляндией и СССР, ингерманландские финны, бывшие советскими гражданами, были вынуждены вернуться обратно в Советский Союз. (Давыдова 2003: 68.)

Именно так случилось и с семьей участницы данного исследования. Сначала они были вывезены из своей родной деревни в Финляндию, по соглашению между Финляндией и Германией. А по окончании второй мировой войны семья респондента оказалась среди вынужденных возвращенцев в Советский Союз, разделив судьбу десятков тысяч других ингерманландских финнов. Согласно О. Давыдовой, лишь около 7 тысяч ингерманландцев избежали такой участи и сумели остаться в Финляндии, либо переехали в Швецию (Давыдова 2003: 71).

3. Теоретические и методологические рамки исследования

Данная глава посвящена главным образом рассмотрению центральных концепций в настоящей работе. Идентичность и идентификация с точки зрения культурологических исследований, нарративные исследования и нарративная самоидентификация, гендерная идентичность, пространство и место, идентификационные и пространственные дислокации, а также интервью и диалог являются ключевыми понятиями и составляют теоретические рамки для исследования, подготавливая, таким образом, основу для последующего анализа.

3.1. Идентичность и идентификация в культурологических исследованиях

Культурологические исследования уникальны по своей природе. К. Баркер пишет о сложностях определения границ этой академической области, отнюдь не являющей собой четкого перечня возможных тематических подходов, концепций и методов, которые могли бы послужить ее отличительной чертой в сравнении с другими научными областями. Культурные исследования всегда были и есть ничто иное, как мультидисциплинарное или постдисциплинарное поле научных исследований, размывающее границы между собой и другими дисциплинами. (Barker 2003: 5; Barker 2004: 42.) Баркер также подчеркивает дискурсивную природу культурологических исследований, которые основываются на определенном регулируемом образе дискурса относительно изучаемых объектов и сосредотачиваются вокруг таких ключевых концепций, идей и интересов, как, например, культура, дискурс, идентичность, изображение и текст (там же).

С. Холл пишет о влиянии глобализации и связанных с нею процессов, например, миграции на разные культуры. Автор определяет культуру как систему общих значений и ценностей, с помощью которой члены одной нации, сообщества или группы интерпретируют и понимают окружающий мир. Так, концепция *культура* включает в себя совокупность социальной деятельности, которая на практике признает и реализует общие значения и ценности, свойственные данной культуре. Принадлежность к такой структуре общих значений и ценностей, принадлежность к одной культуре создает общие узы, чувство сообщества, или отождествления с другими, позволяет людям понять, «кто они», создает основу для самоидентификации человека. (Hall 1995: 176.)

Холл посвятил ряд своих академических трудов исследованиям культурной идентичности, которая конструируется из ощущения принадлежности к определенной и четко отличающейся от других культуре, будь то этническая, расовая, языковая, религиозная или же национальная культура (Hall 1999: 19).

Согласно одному из определений Холла, культурная идентичность отражает общие исторические опыты и культурные коды, которые обеспечивают человеку некое постоянство в процессе изменения пространственных границ его реальной истории на разных жизненных этапах, позволяя, таким образом, сохранить свою причастность к «единой нации» с помощью неизменных и непрерывных критериев и значений. Холл предлагает и другое определение, согласно которому идентификация представляет собой процесс производства идентичности, в котором сама основа идентичности лежит скорее в новом повествовании о прошлом, создающем наш мир заново. (Hall 1999: 224-226.)

Идентичность также характеризуется как чувство тождественности человека самому себе, ощущение своей целостности, принимаемый им образ себя во всех своих свойствах, качествах и отношениях к окружающему миру. Идентификация означает отождествление личности с другим человеком, определенной социальной группой или образом. (Лейбин 2010, www.) Д. Данов ссылается на размышления М. Бахтина (Bahtin 1991) о том, что человек сознает себя и становится собой лишь открывая себя другому, через другого и с помощью другого. Самые важные действия, создающие самосознание, определяются связью с другим сознанием. Быть человеком (снаружи и изнутри) – подразумевает глубочайшее общение. Быть – означает общаться. Это означает быть для другого и через другого – для себя. У человека нет внутренней независимой территории, он всецело и всегда на грани: глядя в себя, он смотрит в глаза другого или глазами другого. Человек не может обойтись без другого, он не может стать собой без другого. Он должен найти себя в другом посредством обнаружения другого в себе (во взаимоотражении и взаимопринятии). (Danow 1991: 59.) Согласно Данову, в общении другой помогает в непрекращающемся процессе определения себя, что также означает определение своего слова.

Д. Роуз также определяет идентификацию как процесс понимания человеком самого себя. Это понятие включает пережитый опыт и все субъективные чувства, связанные с обыденным сознанием. Более того, идентичность подразумевает, что все эти чувства и опыт являются составляющими более широкого комплекса социальных отношений.

(Rose 1995: 88.) Э. Эриксон писал, что «психологическая идентичность развивается из постепенной интеграции всех идентификаций». Кроме биологических факторов Эриксон рассматривал также социальные отношения и культурные особенности, что привело к созданию различных интерпретаций идентичности, например, психосоциальной, культурной и расовой. (Erikson 1974: 233.)

Л. Гроссберг предлагает две модели борьбы идентичностей. Согласно одной из них, в борьбе за первенство некая отдельная, полностью сконструированная, обособленная и отличная от других идентичность предлагается на место другой. Вторая модель подчеркивает саму невозможность существования такой полностью сконструированной, обособленной и отличной от других идентичности. Вторая модель отрицает существование аутентичных идентичностей в их изначальной форме. Л. Гроссберг подчеркивает относительность идентичностей и повторяет утверждение Холла об их незавершенности, о непрекращающемся процессе идентификации. Существование любой идентичности обусловлено ее отличием от другой, опровержением другой идентичности, которая, в свою очередь, существует за счет отличия от первой и ее опровержения. Гроссберг ссылается на высказывание Холла о том, что идентичность представляет собой структурированное представление, или образ, который достигает своего утверждения лишь через процесс отрицания (Grossberg 1996: 89).

С. Холл назвал сегодняшнее проявление интереса к проблемам идентичности и идентификации настоящим дискурсивным взрывом (Hall 1996: 1). Холл вновь и вновь подчеркивает сущность процесса идентификации по принципу признания некой общности в происхождении или обладании схожими характеристиками с другим человеком или группой, или же с неким образом ("ideal"), что включает в себя естественное ощущение солидарности и верности, выстраивающихся на этом основании. В противоположность натурализму, дискурсивный подход рассматривает идентификацию как конструирование – никогда не завершающийся процесс; идентификация всегда в процессе и всегда внутри конструирования, не снаружи. Холл так же акцентирует внимание на том, что природа идентичности совсем не является настолько явной и однозначной, как может показаться. (Hall 1996: 2.)

3.1.1. Нарративные исследования и нарративная самоидентификация

В настоящее время в самых разных областях науки ученые все больше применяют нарративные исследования в своей работе. Часть такого рода исследований относится к биографическим. На протяжении десятков лет нарративный метод является предметом для академической полемики относительно существующих различных к нему подходов и его применения в научных исследованиях. Так, согласно М. Хювяринену, среди ученых до сих пор не существует некоего общепринятого мнения относительно данного метода, как и не определены его естественные границы. Каждый из предлагаемых разными исследователями подходов представляет собой особую аналитическую точку зрения относительно нарративного метода, а так же способов установления взаимосвязи между жизнью и нарративом. (Huvärinen 2013.)

Нарратив является ключевым средством, используемым в повседневности, с помощью которого люди рассказывают о наиболее ярких событиях и переживаниях в их жизни, будь то болезнь, смерть, детство или любовь (Huvärinen 2013). В общении с другими людьми человек повествует об интересных или важных, на его взгляд, событиях, что порой не обходится без влияния его чувств и собственного восприятия произошедшего. В повествованиях о личном опыте происходит глубокое вовлечение рассказчика в повторение или даже переживание заново событий своего прошлого (Labov 1972: 354). Невозможно представить, чтобы люди делились своим пережитым опытом без вмешательства хотя бы оттенка своего личного отношения к тому или иному событию. Такого рода изложение фактов скорее относилось бы к хронологии, где временно-событийный порядок не нарушается чьими-либо личными переживаниями. Таким образом, повествуя о каком-либо событии, люди конструируют социальную реальность вокруг произошедшего, наделяя событие своими чувствами и отношением к нему.

В своей публикации *Life as Narrative* Дж. Брунер подчеркивает конструктивистский подход к нарративу, согласно которому, построение мира является принципиальной функцией разума, независимо оттого, идет ли речь о науке или искусстве (Bruner 2004: 691). Так, любое жизнеописание, будь то письменная автобиография или устное повествование, формируется не только путем переработки пережитого опыта через память и его переоценкой, но также в некоторой степени с помощью искусства.

Одна из основных тенденций нарратива как особого вида дискурса – вызывать диспуты относительно существующего различного восприятия окружающего мира и его

понимания. В работе *The Nature of Narrative* авторы подчеркивают существование двух основных особенностей нарратива – наличие истории и присутствие рассказчика (Scholes, Phelan, Kellogg 2006: 4). В более ранней публикации *Living to Tell about It: A Rhetoric and Ethics of Character Narration* Дж. Фелан (Phelan 2005) описывает нарратив как некую ситуацию, в которой кто-то рассказывает кому-то по какому-то случаю и по какой-то причине о чем-то произошедшем (Huvärinen 2013). Таким образом, истории не возникают на фоне какого-то явления при каких-то обстоятельствах, а существуют для того, чтобы быть рассказанными в частном общении или публично (Walsh 2007: 105).

Существуют разные причины, побуждающие людей к рассказам об их собственном опыте, переживаниях или каких-либо существенных событиях. В ходе автобиографического повествования происходит процесс самоидентификации рассказчика и конструирование окружающей его социальной реальности. Таким образом, ключевой основой нарративных исследований является понимание того, что подразумевается под нарративом, каковы его функции, как мы понимаем жизнь, какие виды отношений мы создаем, для чего нарратив существует в нашей действительности, какова его роль в нашей жизни.

Согласно Хювяринену (Huvärinen 2013), в социологии основная идея нарративных исследований заключается в том, что модели, традиции и жанры повествований являются культурно структурированными. Даже описание самых личных переживаний культурно обусловлено. Согласно М. Бал, путем нарративного жизнеописания рассказчик излагает адресату свою историю с использованием определенного посредника, каковым может служить язык, воображение, звук, либо их комбинация. Таким образом, повествование является необходимым посредником жизненного опыта. История – это содержание текста данного повествования, которое представляет определенное проявление, интонацию и окрашивание фактических событий, фабулы, которая при этом выдерживается в определенной манере. Фабула же представляет собой серию логически и хронологически связанных событий, пережитых автором. Так, Бал предлагает такое разделение на текст, историю и фабулу для проведения более ясного нарративного анализа каждой из этих составляющих в отдельности. (Bal 2009: 5-7.)

В процессе автобиографического жизнеописания рассказчик зачастую прибегает к таким приемам, как аргументация и оценивание событий, наряду с собственно изложением их последовательности. Очевидно, в процессе нарративного

жизнеописания невозможно избежать эмоционального окрашивания пережитых событий, передачи повествованию хотя бы малейшей части тех чувств и мыслей, с которыми они ассоциируются в памяти рассказчика. Автобиографическое повествование представляет собой историю жизни конкретного человека, который усвоил и пережил определенный опыт. Поэтому многие из изложенных в такой истории событий являются субъективно окрашенными рассказчиком. Таким образом, при исследовании нарративного интервью необходимо отделять независимое изложение событий от субъективно окрашенных моментов жизнеописания.

В своих исследованиях Хювяринен ссылается на высказывания историка Л. Минка (Mink 1970) о том, что истории не проживаются, а рассказываются людьми. В жизни нет начала, середины и конца, которые свойственны историям (Huvärinen 2013). Так, согласно Минку, жизнь не подразделяется на три таких естественных стадии, как начало, середина и конец. Только истории имеют временные рамки, внутри которых люди создают различные этапы развития событий. Наряду с временным аспектом, Хювяринен (2013) выделяет другую характерную особенность нарратива – изменение. Таким образом, время, событие и изменение представляют собой ключевые элементы нарратива, причем одним из основных вопросов в нарративных исследованиях является вопрос «что изменилось? в какой момент произошел переход от одной стадии повествования к другой?»

Д. Херман подчеркивает, что одним из препятствий для ученых на пути к единому мнению относительно нарратива является его методология, при помощи которой нарратив создает и формирует мир. В публикации *Exploring the Nexus of Narrative and Mind* Херман указывает на то, как рассказчиками используются различные виды символических систем в создании нарративов, как рассказчики предоставляют слушателю возможность поучаствовать в процессе конструирования нарративных миров. Таким образом, нарратив предлагает некие средства для создания и формирования «мира историй». В свою очередь Херман выделяет такие ключевые параметры для нарративного создания мира, как время, пространство и участник, которые представляют собой необходимые элементы для рассказчика в продуцировании «проекций» (blueprints) для конструирования мира. (Herman 2012: 17.)

С раннего детства из различных источников, например сказок, каждому человеку встречаются примеры того, как рассказываются истории. Когда ребенок учится говорить, он начинает рассказывать свои собственные истории, и уже в своих детских

рисунках люди рассказывают истории задолго до того, как учатся писать. Различные языковые жанры, фотографии и произведения живописи, кино и театр, пантомима и цирк – все это формы выражения того, как люди понимают жизнь и мир вокруг них. Все это формы нарратива. Согласно Хювяринену, нарративы присутствуют всюду, но не все является нарративом (Huvärinen 2009, www).

В работе *Kerronnallinen tutkimus* Хювяринен объясняет популярность нарративных исследований, к примеру, тем, что с их помощью можно исследовать и понять прошлое. Кроме того, в процессе такого жизнеописания происходит конструирование идентичности рассказчика, к тому же подобные повествования определяют временную протяженность от прошлого к настоящему с ориентирами в будущее. (Huvärinen 2011: 90.) Согласно Хювяринену, нарратив – это форма знания, которая, возможно, является важнейшим инструментом для понимания человеком времени, или временности. Повествование определяет наше этическое место в мире. Оно обуславливает человеческое общение, при этом происходит разделение и понимание пережитого опыта, строится доверие, и люди объединяются в группы. Повествование – это ответ на вопрос *кто я?* (Huvärinen 2006, www.) Таким образом, нарративное жизнеописание играет значительную роль в самоидентификации.

Нарратив является одним из основных способов формирования идентичности. В устном или письменном автобиографическом повествовании человек описывает себя с временной точки зрения, в зависимости от своего нахождения в определенном временном периоде в момент повествования. Как упоминалось ранее, в каждой истории присутствует начало, которое, возможно, является причиной для рассказа, а так же центральная и заключительная части. В процессе повествования человек вновь переживает излагаемые события. Хювяринен (2013) ссылается на исследования Ж.-П. Сартра (Sartre 1938), в которых рассматриваются процессы конструирования идентичности в автобиографических повествованиях. Сартр указывал на то, что люди используют жизнеописание для создания себя, а следовательно для самоидентификации. Однако в разные периоды жизни люди конструируют отличающиеся в некоторой степени друг от друга идентичности. (Huvärinen 2013.) Хювяринен так же приводит высказывание А. Макинтайра (MacIntyre 1981) о том, что люди проживают нарративы в своей жизни и с помощью этих самых нарративов постигают свою собственную жизнь. «Мы являемся не более, чем (а зачастую менее, чем) соавторами своих собственных нарративов. Лишь в своем воображении мы проживаем те истории, которые хотим». (Huvärinen 2013.)

При этом необходимо понимать, что в то время, как человек формирует свою самоидентификацию, например, в нарративном интервью, воспринимающая его сторона, к примеру, интервьюер, также конструирует свое восприятие рассказчика, отождествляя его с определенной группой, которая может не совпадать с самоидентификацией рассказчика. Хювяринен (2013) указывает на исследования А. Макинтайра, где ученый пишет о персональной идентичности, предполагаемой соответствием персонажа, необходимым для соответствия нарративу.

Важным аспектом нарративной идентификации является «переживание» рассказчиком излагаемых событий в процессе повествования, что ставит перед исследователем следующий вопрос: является ли данное повествование описанием жизненного опыта рассказчика или же сконструированным им восприятием своего жизненного опыта и идентичности? От ответа на этот вопрос зависит, может ли исследователь рассматривать полученный в процессе нарративного интервью материал в качестве автобиографического описания или же скорее как процесс самореализации респондента в ходе повествования.

3.2. Гендерная идентичность

Гендерные и феминистские исследования являются важными составляющими данной работы, поскольку множество работ ученых этих направлений посвящено женской тематике, а также вопросам пространства, идентичности и инаковости. Участница данного исследования – женщина, которая, будучи ингерманландкой, провела большую часть своей жизни в СССР и постсоветской России. Феминистские исследования подчеркивают мифичность равноправия женщин и их эмансипации в Советском Союзе, что подтверждают высказывания постсоветских ученых об очевидном отсутствии социального равенства и справедливости. (Voronina 1994: 37.)

Ученые определяют гендер как повседневный мир взаимодействия женского и мужского, представленный практиками, взглядами и предпочтениями. Более того, гендер является системной характеристикой общественного порядка, от которой нельзя избавиться или отказаться, которая в качестве составляющего аспекта идентичности постоянно воспроизводится, как в структурах сознания, так и в структурах действия и взаимодействия. Одной из основных задач исследователей является попытка

разобраться в том, каким образом создается женское и мужское во взаимодействии, где и как оно поддерживается и воспроизводится. (Здравомыслова, Темкина 2007: 17.)

Гендерная идентичность может быть определена как ощущение человеком себя в качестве мужчины, женщины или трансгендера (Gender identity 2006, www). В *Словаре гендерных терминов* указывается на важность разделения между людьми социальных ролей, видов деятельности, а также поведенческие и эмоциональные характеристики (Словарь гендерных терминов, www). Отсутствие в категории пола объяснения существованию различий в социальных функциях женщин и мужчин в разных обществах способствовало появлению категории *гендер*, определяющей предписанную обществом систему социальных и культурных норм, выполняемых людьми в зависимости от их биологической природы (там же, www). Таким образом, необходимо отметить, что отнюдь не анатомо-физиологические особенности, разделяющие людей на женщин и мужчин, а их гендерные роли являются главными критериями в распределении ролей в обществе.

На основе вышерассмотренных определений можно сделать заключение о социальном конструировании гендера. Феминистская критика выдвигает положение о том, что «и женщины и мужчины создаются, ими не рождаются». Согласно данной позиции, женское и мужское, молодое и старое конструируются в разных контекстах, характеризуются различными признаками, несут в себе разные смыслы и содержания. (Здравомыслова, Темкина 2007: 9-11.) Ученые подчеркивают решающую роль феминистского гендерного подхода в изменении взгляда на статус пола как предписанного. Феминистский социально-конструктивистский подход сформировался как критика представлений классической социологии и рассматривает отношения между полами как социально организованное проявление власти и неравенства. Авторы приводят точку зрения немецкой исследовательницы Р. Хоф (Хоф 1999), согласно которой, социальная организация, где женщинам и мужчинам отведены определенные роли, не может быть понята без анализа соответствующих систем власти. (там же: 13.)

Для конструирования места женщины и мужчины в обществе используются необходимые ресурсы и средства, определяющие иерархические отношения между полами, а также обеспечивающие получение преимуществ одними участниками взаимодействия и подавление других, т.е. асимметрию отношений. В работе *Российский гендерный порядок* не раз упоминается о том, что приватная сфера

человеческой жизни, дом, является миром женщины, как в традиционном, так нередко и в современном понимании. Таким образом, рассматриваемые авторами сферы социальной жизни делятся, в первую очередь, на частную и публичную, включающую политический, экономический и символический миры. Дом, забота о семье, дружеские отношения, сексуальность, согласно Здравомысловой и Темкиной, рассматриваются феминизмом как сферы квинтэссенции женского опыта и в то же время как источник подавления, вытеснения женщины в эту сферу из другого пространства. Такая дислокация женщины из публичной сферы может восприниматься неоднозначно как разными категориями женщин, так и мужчинами. (там же: 29-30.)

Все сферы человеческой деятельности пронизаны гендерным измерением. То или иное поле взаимодействия между людьми подразумевает наличие средств и ресурсов, необходимых для установления и получения своего места в пространстве. Как для женщины, так и для мужчины существует необходимость обладать некоторыми определенными качествами для того, чтобы быть в состоянии занять желаемую позицию, к примеру, в политике или трудоустройстве. Однако наряду с универсальным набором требований, одинаковых для всех, таких, как образование, опыт, профессиональные навыки, на практике сознательно и бессознательно используются и другие ресурсы и средства, продуцирующие отношения между полами. Здравомыслова и Темкина приводят яркий пример арсенала ресурсов конструирования гендера в политических отношениях, когда при построении имиджа политического лидера-мужчины может создаваться портрет супермена, в то время как в политической карьере женщины немаловажную роль играет обаяние.

Таким образом, фундаментальные основы, обуславливающие существование мужских и женских ролей в многообразных контекстах, базируются на представлениях о социальной компетентности людей, определяя их гендерную принадлежность, и дифференцируются в разных обществах, претерпевая постоянные изменения под влиянием как внутренних, так и внешних факторов.

Д. Мэсси подчеркивает глубину и гетерогенность природы взаимосвязей и взаимовлияний гендера и пространства, на их переплетение и непосредственное участие обеих категорий в конструировании друг друга самым основательным образом. Так, разнообразные проявления географического фактора оказывают воздействие на культурное конструирование определенных гендеров и гендерных отношений, в то

время, как гендер в свою очередь также играет в высшей степени значительную роль в формировании и продуцировании пространства (Massey 1994: 175).

Пространство и место имеют большое значение для гендера. Некоторые из ранних феминистских наблюдений подчеркивали тенденцию изменения гендерных отношений в связи с изменениями в пространственном измерении. Таким образом, как в прошлом, так и на сегодняшний день отношения между полами систематически изменяются, независимо от того, включает ли этот процесс значительные культурные различия или же он происходит в контексте родственных 'местных культур'. (Massey 1994: 175-178.) Мэсси подчеркивает существование множества различных способов конструирования гендерных отношений, а также попыток их изменить. От символики пространств и мест, а также передаваемых ими очевидных гендерных посланий до непосредственного подавления, или неприятия, пространства и места не только представляют собой гендерные измерения, но, кроме того, сами и отражают гендерные отношения, одновременно оказывая влияние на способы конструирования и понимания гендера. Важно обратить внимание на замечание Мэсси о том, что ограниченность женской мобильности, включая одновременно категории идентификации и пространства, в некоторых культурных контекстах является ключевым показателем субординации. (там же: 179.)

Л. Макдауэлл рассматривает гендер как совокупность материальных и социальных отношений, с одной стороны, и как символическое значение, с другой, которые в сущности своей неразделимы. В контексте гендерной проблематики и дискурса об изменении определения и понимания категории места можно отметить, что практическая деятельность, включающая в себя широкий спектр социальных взаимоотношений в бесконечном множестве мест (на работе, дома, в тренировочном зале, в баре), а также образ мыслей и способы представления места и гендера являются взаимосвязанными и взаимообуславливающими компонентами. (McDowell 1999: 7.)

Макдауэлл отмечает тот факт, что все люди действуют, исходя из своих намерений и верований, которые всегда культурно сконструированы и являются исторически и пространственно обусловленными. Кроме того, собственный опыт и практическая деятельность человека оказывают значительное влияние на то, как он/она реагирует на определенную ситуацию и что предпринимает. Это, в свою очередь, влияет на поведение человека в будущем, накладывая отпечаток на знание и понимание мира со всем многообразием мест пребывания человека в нем.

Таким образом, существующие в обществе мнения об уместном и приемлемом поведении женщин и мужчин, влияют на представления людей о женщине и мужчине. Такие представления отражают ожидания человека относительно свойственного женщинам и мужчинам поведения, несмотря на то, что реальные люди различаются по возрастным, классовым, расовым и сексуальным критериям. Кроме того, со временем и пространственными изменениями подобные ожидания и представления тоже изменяются.

3.3. Пространство и место

М. Салмела подчеркивает тот факт, что в современной культуре прослеживается, можно сказать, некая навязчивая идея относительно категории пространства, как в критике, так и в практической деятельности. Постколониальные подходы в науке указывают на результаты воздействия пространственной и культурной дислокации на человеческое сознание (Salmela 2006: 32). А. Лефевр обращает внимание на то, что еще сравнительно недавно понятие *пространство* рассматривалось лишь в качестве геометрической категории, обозначающей не более, чем пустую площадь, и использование этого термина в социологическом понимании могло бы показаться по меньшей мере странным. На сегодняшний день существует немалое количество литературы, затрагивающей тему пространства и рассматривающей эту проблематику с самых разных сторон.

Выступая на одной из научных конференций Д. Мэсси предложила вниманию аудитории следующее определение категории пространства:

Пространство представляет собой многостороннее измерение ("Space is the dimension of multiplicity").

Если время характеризуется последовательностью сменяющих друг друга событий, то пространство отличает качество существования объектов в определенном промежутке времени ("If time is the dimension of sequence, things are coming after each other, then space is the dimension of contemporaneous existence").

Данная категория основывается на принципе одновременности событий ("It is the dimension of radical simultaneity").

Одной из характеристик этой категории является равномерное совпадение происходящего ("It is the dimension of co-evenness").

Синхронная непрерывность многогранного пространственного измерения создается посредством отношений объектов, их практической деятельности, взаимодействий ("Simultaneous ongoing multiplicity of the

spatial has been composed very strongly in terms of relations, practices, interactions”).

Как взаимодействующие объекты, создающие пространство, так и сами пространственные единицы, такие как место, национальное государство или регион, - все они реляционно сконструированы посредством как материальных, так и нематериальных отношений, практик и т.д. (“Both the interacting things that compose the space and the spatial identities themselves (such as place, nation state or region) are all relationally constructed through both material and immaterial relations, practices etc”). (Mouffe, Massey 2012, www.)

Человеческая жизнь состоит из ряда переплетенных различным образом реальностей. Миграции людей являются одним из важнейших аспектов глобализации, ее естественной, неотъемлемой частью. В связи с активным ростом численности мигрантов в мире все более насущной становится проблематика пространства и идентичности. В своих работах Мэсси подчеркивает ключевую роль взаимосвязи между категориями *пространство* и *место*, *идентификация места* и *самоидентификация*, *место* и *культура*, *место женщины* в современном мире.

Принимающая сторона, место прибытия, также не может оставаться неизменным и обретает новые черты и свойства благодаря растущей иммиграции. При этом довольно существенным является тот факт, что для самих мигрантов природа значения места тоже изменяется. Согласно Мэсси, миграция – это дислокация, или смещение, перемещение из одного места жительства, физической привязанности в другое, причем чувство душевной привязанности к покидаемому месту может оставаться весьма сильным. Как следствие подобного смещения в опыте мигрантов, на индивидуальном уровне у таких людей нередко возникает множество психологических вопросов относительно их собственного существования и самоидентификации. В процессе определения и переосмысления значения места, в тоске по 'дому', который может быть как местом происхождения, отправления, так и местом прибытия, человек конструирует собственное представление об этом месте и по-своему идентифицируется с ним. В результате формируются основы для характеристики фрагментов пространства и поведения людей по отношению к этим местам (Massey, Jess 1995a: 3, 7).

В работе *The production of space* А. Лefевр пишет о пространственной практике, репрезентации пространства и репрезентированных пространствах. Пространство производится за период времени типичной пространственной практикой определенного общества, а именно ежедневными маршрутами и местонахождениями с происходящей

в них рутинной деятельностью. Репрезентации пространства – это установленный в обществе пространственный порядок, основанный на доминирующих идеологических кодах и символах. Репрезентированное пространство представляет собой аутентичную сферу обитателей, сопряженную с профессиональной и обывательской сторонами социальной жизни. Таким образом, согласно Лефевру, пространство является продуктом производства и воспроизводства обществом посредством культурных практик. (Lefebvre 1991: 71-72; Salmela 2006: 38.) Лефевр пишет о взаимосвязи и взаимовлиянии трех составляющих – производства, репрезентации и пространства, Салмела подчеркивает, что в каждой из этих трех сфер существует диалектическая взаимосвязь между пространствами и процессами, которые их производят, а также указывает на существование тесной взаимосвязи пространства и времени, всегда присутствующее временное измерение пространства. (там же: 82; 39.)

Миграционные процессы способствуют созданию новых позиций как для культуры мигранта, так и для самого человека. Миграция создает ниши для обновления подходов к изучению взаимоотношений между мигрантами и другими людьми, между человеком и пространством, местом. Глобализация вносит изменения в образ жизни людей в разных местах и, более того, в значение «места», в то, как понимается эта категория. (Hall 2003: 85.) С. Холл рассматривает место с культурологической точки зрения как один из элементов, которые вместе с языком, религией, обычаями, традициями и ритуалами составляют систему кодов, воспроизводящих культуру. (Hall 2003: 90.)

3.3.1. Хронотоп

М. Бахтин ввел в употребление понятие «хронотоп» («время-пространство») в литературном творчестве для определения тонкой внутренней взаимосвязи пространственно-временных отношений, искусно применимой в литературных произведениях. Заимствуя это понятие из теории относительности, Бахтин предложил его использование с точки зрения литературной критики, делая ударение, главным образом, на неразделимости времени и пространства (Bakhtin 1981: 84).

Использование понятия *хронотоп* в данной работе является не только вполне логичным, но даже необходимым уже потому, что автобиографическое повествование рассказчицы строится посредством изложения тесно связанных определенных пространственно-временных эпизодов ее жизни. Так, респондент, сама выбирает

наиболее значительные, с ее точки зрения, события своей жизни в процессе жизнеописания, конструируя свой нарратив с помощью хронотопов. Каждый хронотоп несет собой неразрывное сочетание значимых для рассказчицы событий, происшедших в конкретный промежуток времени в определенном месте. Таким образом, именно через отдельные хронотопы, в которых самым тесным образом связаны место и время, происходит самоидентификация респондента. Именно отдельные хронотопы в повествовании являются основой как для конструирования пространства, так и для межпространственной идентификации.

Трудно представить автобиографическое жизнеописание без использования хронотопов в процессе повествования. Ведь вопросы *где?* и *когда?* представляют собой неизбежные составляющие нарратива наряду с *кто?* *что делал?* *как?* Приводя высказывания Д. Фелана (Phelan 2005), Хювяринен определяет нарратив как риторическую ситуацию, где кто-то кому-то при каких-то обстоятельствах с какой-то целью рассказывает, что что-то произошло (Huväriinen 2013). Таким образом, повествование в беседе с интервьюером о местах, где респондент пережила определенные события своей жизни в конкретный период времени, и есть не что иное, как конструирование нарратива с помощью неотъемлемой внутренней взаимосвязи временно-пространственных отношений, хронотопа. Отсюда можно сделать вывод, что хронотоп является необходимой составляющей в процессе конструирования пространства, а также неотъемлемой частью процесса межпространственной самоидентификации.

3.3.2. Воображаемое пространство, дислокация и «размывание идентичности»

В работе *Imagined Geographies: Geographical Knowledges of Self and Other in Everyday life* Д. Валентайн пишет о том, как человеком воображается пространство и его границы, как воображается принадлежность этого пространства кому-либо, как конструируются понятия *своего* и *чужого* в процессе идентификации. Так, согласно Валентайну, на протяжении всей своей жизни человек постоянно определяет свою позицию относительно других людей. Представления об общих привычках и проявлениях себя являются одними из определяющих критериев того, как люди определяют свое культурное место в мире. (Valentine 2007: 48-51.)

Б. Андерсон в работе *Воображаемые сообщества (Imagined Communities)*, предлагает точку зрения, согласно которой, нация является социально сконструированным сообществом. Автор называет нацию «воображаемым сообществом», поскольку члены любой нации никогда не смогут знать, даже просто встретить или услышать о большинстве своих собратьев по нации, хотя при этом в их сознании они объединены определенной общностью (Anderson 2006: 6). При этом автор указывает на то, что сообщества следует различать по стилю, согласно которому они воображаются. В одном из приведенных примеров Андерсон пишет о жителях суматранских поселений, которые всегда знали о своей связи с людьми, которых они никогда не видели, однако эта связь была когда-то особым образом воображена как неопределенно растяжимые нити родства (Anderson 2006: 120-121).

Конструктивистская позиция Б. Андерсона может распространяться не только на нацию как на сообщество, но и на любые другие социальные группы, какие только можно себе вообразить, отсюда и определение «воображаемые». Реальное существование любых социальных структур конструируется благодаря определенной общности, объединяющей группу людей. И эта самая реальность создается, или конструируется, членами такой группы изначально сознательно, хотя в дальнейшем уже может восприниматься как нечто просто существующее. В результате, то, что было сконструировано людьми и является достаточно отдаленным в пространстве и времени, чтобы воспринимать это как нечто существующее, а не сконструированное, нередко воспринимается в качестве абсолютной реальности.

Как упоминалось выше, уже саму миграцию, переезд с одного места на другое Д. Мэсси называет дислокацией из одного места физической привязанности в другое, причем эмоциональная привязанность к месту происхождения может оставаться довольно сильной. На индивидуальном уровне опыт такого эмоционального и физического смещения вызывает комплекс психологических вопросов относительно собственно существования и самоидентификации мигрантов (Massey 1995: 7).

Миграция зачастую служит причиной возникновения многогранных дислокаций, разного рода несоответствий, которые оказывают на человека неоднозначное воздействие. При этом возникает довольно парадоксальная ситуация. При всем многообразии причин для переезда людей на новое место, чаще всего основная идея заключается в стремлении к лучшему, будь то лучшее трудоустройство, стремление к спокойной и стабильной жизни в стране с более высоким жизненным уровнем и т.д.

Таким образом, при смене места нередко возникают довольно серьезные несоответствия между воображаемым пространством новой среды и ее реальностью, что может сопровождаться разного рода дислокациями. Почему же воображаемые пространства и сообщества так привлекательны для мигрантов? Может ли ответом на этот вопрос быть поиск новой идентичности?

К сожалению, далеко не всем из мигрантов удается не то, чтобы обрести, а хотя бы приблизиться к той призрачной новой идентичности, за которой они отправились в путь. Напротив, зачастую происходит прямо противоположный процесс – *размывание идентичности* и формирование *чужака*. В настоящее время данные понятия скорее относятся к проблематике маргинальности, которая применима к низшим слоям общества, к тем, кто не входит в основной поток. (Гусев 2009: 72-73.) В данной работе нет необходимости глубже рассматривать проблемы маргинальности, однако можно заимствовать понятия *чужак* и *размывание идентичности*, которые, возможно, окажутся применимыми в настоящей работе позднее, хотя и в иной интерпретации последнего, противоположной Баумановской (там же: 75).

3.4. Интервью и диалог

На сегодняшний день интервью является одним из наиболее распространенных методов исследования в самых разных сферах науки. К примеру, лингвисты, культурологи, социологи, психологи, антропологи, не говоря о журналистах, уже на протяжении многих десятков лет используют данный метод, представляющий собой весьма эффективный способ сбора информации. Дж. Холштейн и Дж. Губриум отмечают интеракционную роль интервью как особых диалогов, в которых людей просят рассказать об их личном жизненном опыте, что в свою очередь позволяет собирать эмпирическую информацию о социальном мире. Ученые так же подчеркивают роль интервьюера как некоего места (*site*) и случая (*occasion*) для создания новой информации в процессе интервью. При этом, значение этой новой информации активно и социально создается как интервьюером, так и респондентом в процессе диалога. (Holstein, Gubrium 2003: 3-4.)

Любая рассказанная история, любое общение непременно предполагает не только рассказчика и слушателя или читателя, некую ситуацию и определенные условия для повествования, но также использование общепринятых условностей как в самом языке,

так и более сложных ожиданий *жанра* – форм, ожидаемых внутри данного контекста и типа общения (Chamberlain & Thompson 1998: 1). А. Портелли указывает на жанр устного повествования как на особую форму диалогического дискурса, в котором история является нарративом прошлого, а устная форма изложения является средством выражения (Portelli 1998: 23). Согласно Портелли, то, что рассказано в интервью как типичная устная история, обычно никогда прежде не излагалось в подобной форме. Большинство же персональных или семейных историй рассказываются отрывками или эпизодами по определенному случаю. Так, человек узнает о жизни даже самых близких ему людей из фрагментов, отрывков или слухов. Жизнеописание как завершенное, последовательное устное повествование не существует само по себе, а лишь является продуктом синтеза социальных наук. Таким образом, Портелли указывает на важность нарратива, как с точки зрения рассказчика, так и со стороны слушателя, уже по причине проведения самого интервью. (там же: 24.)

По своему строению, интервью бывают структурированными, полуструктурированными и неструктурированными. Структурированное интервью характеризуется заранее подготовленными, четко сформулированными вопросами, которые предлагаются респондентам в одинаковом виде и в одной и той же последовательности. (Ruusuvuori, Tiittula 2005: 11.) Согласно ученым, полученную таким образом информацию легко обрабатывать и анализировать, поскольку в данном случае ответы интервьюируемого в наименьшей степени подвергаются влиянию со стороны исследователя. Полуструктурированные интервью обладают определенной гибкостью и предоставляют интервьюеру возможность корректировать направление беседы, внося некоторые изменения в процессе диалога, согласно ответам конкретного респондента. Кроме того, в отличие от первого, данный способ позволяет задавать дополнительные вопросы. Таким образом, при подготовке полуструктурированного интервью некоторые аспекты остаются незавершенными, оставляя некую свободу действий для исследователя. При таком методе сбора информации зачастую используются так называемые тематические интервью, в которых рассматривается одна и та же тематика, однако порядок и структура вопросов могут быть подвергнуты определенным изменениям.

Неструктурированные интервью не ограничиваются фиксированным списком вопросов и позволяют исследователю самому определять направление беседы, которая нередко носит характер свободного диалога. Кроме того, опрашиваемому также предоставляется возможность активно влиять на ход интервью. Так, допустимость

двустороннего обмена вопросами, в отличие от ограниченного фиксированного опроса, обеспечивает сбор более глубокой информации, иногда даже довольно неожиданной для исследователя. Л. Тииттула и Й. Руусувуори подчеркивают, что данный метод нередко носит название, к примеру, открытого интервью. В целях более успешной последующей обработки, кроме собственно письменных заметок, неструктурированное интервью зачастую записывают на аудионосители и/ или видеокамеру с тем, чтобы позднее подробнее проанализировать полученную информацию, включая эмоциональное состояние респондента. Однако, несмотря на очевидную свободу использования подобного метода, даже в построении неструктурированного интервью все же предполагается определенная структура, что позволяет респонденту иметь представление о направлении исследования и не потерять суть беседы. (Ruusuuvuori, Tiittula 2005: 12.)

Помимо структурной классификации, интервью, согласно другим критериям, подразделяются также на индивидуальные и групповые, этнографические и нарративные. Для настоящей работы первостепенный интерес представляет индивидуальное нарративное интервью, сфокусированное на пережитом опыте респондента. Поэтому именно нарративное интервью будет в дальнейшем рассматриваться более подробно.

В исследовательском интервью направление вопросов обусловлено целью исследования. Принципиальное значение имеет подготовка к интервью и четкое распределение ролей между интервьюером и респондентом. Продуманная схема начала, проведения и завершения интервью значительно облегчает процесс диалога для обеих сторон. Не менее важным критерием проведения интервью является этическая сторона всей процедуры. (Ruusuuvuori, Tiittula 2005: 25, 33, 41.) Исследователь заранее разъясняет респонденту его права и устанавливает договоренность относительно обработки и использования полученной от него информации. При этом, как правило, информант подписывает договор, предоставляющий исследователю определенную свободу в работе с материалом и, вместе с тем, ограничивающий использование персональной информации. При необходимости интервьюер так же имеет право на согласование с респондентом правил о неразглашении целей исследования в повседневном общении с другими людьми, если это может помешать исследованию.

Одной из важнейших характеристик грамотного интервьюера является нейтральность. Своей беспристрастностью и невмешательством в ответы опрашиваемого, лишь

задавая вопросы и определяя направление беседы, исследователь способствует сбору более ценной и независимой от его личных суждений информации. Как подчеркивается в статье *Tutkimushaastattelu ja vuorovaikutus*, исследовательское интервью, как и любое другое социальное взаимодействие, подразумевает отклонения от некоторых правил проведения интервью в зависимости от конкретной ситуации. (Ruusuvuori ja Tiittula 2005: 25-33, 45-55.) Заранее спланировать абсолютно каждый аспект проведения беседы невозможно, в особенности, когда речь идет о полуструктурированном и тем более неструктурированном интервью. Однако, подготовка к встрече с интервьюируемым в рамках элементарных академических знаний и опыта работы в научной сфере представляется вполне реальной.

Поскольку материалом для исследования в данной работе является текст нарративного интервью, необходимо рассматривать подобное интервью с точки зрения диалога между интервьюером и респондентом. При этом из текста изучаемого в данной работе интервью хорошо видно, насколько свободным является повествование респондента, и насколько редкими, скорее поддерживающими направление беседы, являются фразы и вопросы интервьюера.

Согласно М. Бахтину, предметы и темы, которые составляют основное значение в высказывании, неотделимы от языка повествующего. Предметы и темы в репрезентации рождаются и развиваются посредством языка рассказчика. (Bakhtin 1981: 61.) Диалог является неотъемлемой частью языка как основа любого человеческого общения, это самая естественная форма языка (Danow 1991: 23). Высказывание формируется непосредственно в диалоге, как отмечал Бахтин, в диалогизованном разноречии, которое, с одной стороны, выступает безымянным и социальным как язык, и, с другой стороны, является конкретным, содержательно-наполненным и акцентуированным в качестве индивидуального высказывания (Бахтин 1975: 86). Так, любое высказывание формируется в контексте диалога, состоящего как из собственно мыслей и внутреннего диалога говорящего, так и из высказываний слушателя, «на границе своего и чужого».

Вполне очевидно, насколько важным фактором является нейтральность и максимально возможная объективность исследователя как в процессе проведения интервью, построении диалога с респондентом, так и в последующей работе с материалом исследования. От вопросов интервьюера во многом зависит суть ответов и выбор респондентом тем для нарратива. Так же от личного отношения исследователя или

его/ее нейтральной позиции по отношению к изучаемой проблематике зависят и результаты исследования.

В работе *Kerronnallinen tutkimus* М. Хювяринен ссылается на утверждение С. Уортама (Wortham 2001) о том, что рассказчики не только повествуют о себе, но и *реализуют* себя в процессе интервью, поэтому исследователь должен отличать интервью как способ сбора информации от процесса самореализации рассказчика в повествовании (Huväriinen 2005: 208). Поскольку нарративное интервью отличается определенной свободой повествования, то задачей интервьюера является поддержание беседы в необходимом для исследования направлении.

Хювяринен (2013) пишет, что посредством нарратива человек создает и изменяет представления о гендере, классе и инаковости (*toiseudesta*), формируя, таким образом, нарративную самоидентификацию. Та же самая инаковость, о которой писал Холл, позволяет человеку определить свою принадлежность к определенной группе и, тем самым, подчеркнуть свое противопоставление другой группе. Это различие очень существенно по своему значению, без такого различия не может существовать значения (Hall 1997: 234).

Анализ нарративного интервью являет собой непростую задачу, поскольку вполне очевидна возможность субъективности полученной информации. Поэтому исследователю необходимо акцентировать внимание на ключевых элементах нарратива, а именно на том, с помощью каких ключевых составляющих нарратива респондент конструирует свое биографическое повествование.

4. Хронотопы в нарративе и нарративная самоидентификация: анализ интервью

В качественном исследовании зачастую применяется один из традиционных методов – изучение частного случая как особого рода целостности (case study design). Так, автобиографическое интервью ингерманландки, переехавшей из постсоветской России в Финляндию, анализируется в данном исследовании как частный случай при помощи нарративного тематического анализа, применяемого для изучения общих тематических элементов и категорий, рассматриваемых в данном автобиографическом повествовании.

Данная глава, таким образом, представляет собой начало нарративного анализа в настоящей работе. Здесь уже непосредственно происходит изучение процесса нарративной самоидентификации в автобиографическом интервью, определение ключевых пространств и мест, особо подчеркнутых респондентом и играющих значительную роль в конструировании повествования. С опорой на академические публикации в качестве вторичных источников в последующих разделах данной главы анализируется процесс самоидентификации в отдельных хронотопах – тех самых пространственно-временных конструкциях, выбранных респондентом в качестве ключевых этапов в автобиографическом повествовании. Таким образом, в данной главе предполагается найти ответы на центральные вопросы исследования.

4.1. Хронотоп детства: я – финка

В данном разделе рассматривается «предингерманландский» период самоидентификации респондента, когда еще не будучи знакомой с понятием *Ингерманландия*, рассказчица отождествляла себя, всю свою семью и с детства впитанную культуру с финнами и финской культурой. Так, респондент отмечает, что она воспитывалась в традициях, которые противопоставлялись русско-советским, отождествляясь с финскими, тем самым подчеркивая свое финское происхождение.

«... у нас была лютеранская семья и церковь вообще в этих деревнях, церковь, - это был центр, очаг культуры. Там были, хотя жители, они не имели особого образования, как правило, все кончали церковноприходскую школу, но в принципе были довольно образованными людьми.»

М. Хювяринен (2013) неоднократно подчеркивает в своих исследованиях, что в процессе нарративного интервью респондент выбирает определенные моменты из своей биографии, наиболее подходящие на его взгляд для конструирования рассказа. Так, в процессе автобиографического повествования рассказчица не перечисляет исторические факты, а выстраивает воспоминания о пережитых событиях в определенной последовательности, наделяя их такими важными смысловыми значениями, которые ей необходимы в процессе самоидентификации и конструирования прожитых пространственно-временных измерений.

Реконструирование идентичности может быть хорошим примером демаркации воображаемых границ, в то же время вопросы идентичности являются вопросами сходства и различия между «мы» и «другие» (Lähteenmäki 2007: 166-167). К примеру, рассказывая о возникновении самой идеи о переезде в Финляндию, уже в самом начале своего повествования респондент указывает на давнюю связь с этой страной, возникшую очень давно, еще в детстве, и протянувшуюся через всю жизнь.

«... я с Финляндией связана очень давно, почти всю жизнь.»

Респондент воспитывалась в финской семье. На вопрос интервьюера «Почему вы сказали, что в финской семье...?», рассказчица пояснила, что родители были ингерманландцами и «чувствовали себя финнами». В их семье не говорили по-русски, а о понятии *Ингерманландия* рассказчица узнала лишь несколько десятилетий спустя.

«...Финляндия была союзником Германии и они, значит, нас решили, как потом я читала в литературе, как бы спасти от этих бомбежек, от всего. Но мне кажется, что причина была не в этом, а в том что в Финляндии ведь не было рабочей силы, все были на фронте и им нужна была вот рабочая сила, кто лучше, чем свои же соплеменники...»

Таким образом, культурно-языковая принадлежность, а также исходное отождествление себя с финнами формировали с самого детства финскую идентичность респондента. Важно заметить, что здесь рассказчица никак не отождествляет себя, свою семью с русскими, опровергая тем самым другую, русскую идентичность. Именно «соплеменники» финнов – вот кем была их семья в восприятии респондента. Как было отмечено выше, Гроссберг подчеркивает относительность идентичностей и повторяет утверждение Холла об их незавершенности, об идентификации как никогда не

завершающемся процессе. В данном случае формирование финской идентичности респондента обусловлено ее отличием от русской, которая также существует за счет отличия от финской и ее опровержения. (Hall 1996: 2; Grossberg 1996: 89.)

Как отмечалось выше, изначально финский язык, лютеранство, лютеранская церковь как «центр, очаг культуры» являлись теми основными культурными компонентами, через которые происходило отождествление себя с финнами в родной деревне респондента. В интервью рассказчица проводит также границу между двумя категориями ингерманландцев: теми, которые приняли православие, «русифицировались», говорили по-русски, и другими, которые сохранили лютеранскую веру и финский язык. К последним относилась и семья респондента: «Вот, я родилась в такой чисто ингерманландской семье». Из последующей фразы становится очевидным, насколько закрытыми для доступа постороннего влияния, вмешательства чужой культуры являлись до определенного времени некоторые из этих ингерманландских деревень:

«И как-то русской, ни русской культуре, ни языку не было доступа вот, вот в эти районы.»

Одновременно, при упоминании о «русифицированных» финнах, респондент поясняет, что процессы разделения ингерманландцев на разные категории происходили по собственному выбору этих людей, что опять же подчеркивает, насколько четко и ясно происходит отождествление рассказчицей себя и своей семьи с носителями и хранителями финской культуры.

Респондент связывает свою девичью фамилию с названием деревни, в которой она родилась. Определенно финно-угорские по происхождению и даже немного созвучные между собой название деревни и фамилия рассказчицы тонко сплетаются в повествовании в единую нить, подчеркивая свое финское начало, свое родство. Кроме того, в повествовании даже указывается, что обе семьи родителей респондента носили одинаковую фамилию:

«Ну да, они все [фамилия], и фамилия у них была одна и та же.»

В рассмотренных выше фрагментах автобиографического интервью можно проследить совершенно четкую линию самоидентификации респондента, определенно указывающую на отождествление себя и своей семьи с финнами и финской культурой. Как указывалось выше в ссылках на работы С. Холла (Hall 1996: 2) и Л. Гроссберга (Grossberg 1996: 89), такова сущность процесса самоидентификации, при котором признается некая общность в происхождении и несомненное, в восприятии респондента, обладание схожими характеристиками с группой, в данном случае – с финнами. В этой части повествования респондент без сомнений идентифицирует себя с финнами и не отождествляет себя с русскими. Так, рассказчица формирует свою финскую идентичность одновременно путем отрицания принадлежности к русифицированным финнам, противопоставляя себя другим.

4.1.1. Мир детства

В повествовании о своем детстве респондент выделяет особый хронотоп. С одной стороны, – это движение, временные этапы, перемещения в пространстве, родная деревня, фильтрационный лагерь, пароход, одна финская деревня, другая. С другой стороны, – это некая целостная самоидентификация: я – ребенок, девочка, финка. Респондент с большим интересом повествует о своем детстве, несмотря на то, что проходило оно в тяжелые военные и послевоенные годы. Рассказчица родилась за три года до начала второй мировой войны, поэтому, вероятнее всего, многие из ее воспоминаний конструируются за счет воспоминаний о рассказах членов семьи о ее раннем детстве. Порой рассказчица подчеркивает свою хорошую память, повествуя о тех или иных событиях того времени, не сомневаясь в их реальности.

С самого начала второй мировой войны территория, на которой находилась деревня респондента, оказалась «под перекрестным огнем». Об этой жестокой перестрелке, «страшной бомбежке», как назвала ее респондент, пишет в своих исследованиях П. Невалайнен (Nevalainen 2008: 6). Приход немецких войск в ингерманландскую деревню запомнился респонденту пугающим, хотя тут же она повествует о том, что продолжавшаяся под немецким влиянием жизнь ингерманландцев была даже веселой, по крайней мере, так этот период отразился в ее детском восприятии.

В описывающих начальный военный период исторических источниках упоминается, например, о том, как трудно приходилось выживать жителям этих ингерманландских

деревень уже в самом начале войны. Невалайнен описывает, насколько жуткой была первая военная зима 1941-42 гг. С началом войны людям было не до заботы об урожае, картошка на полях осталась не поднятой, а злаковые – неубранными. Поэтому, когда в ту зиму истощились запасы продуктов, а помощи от немцев было не много, около 6 тысяч ингерманландцев умерли от голода и эпидемий. (Nevalainen 2008: 6.)

Однако, в нарративном интервью респондента представлено несколько иное описание того времени. С помощью воспоминаний о детстве респондент конструирует пространство своей родной деревни, мир своего детства, наполняя его соответствующими составляющими, согласно своим воспоминаниям, представлениям об этом периоде и о себе, а также согласно воспоминаниям о рассказах своих родных. «В черном, очень строгие» и другие, «веселые» немцы, немецкий театр с красивой певицей, разместившийся в их деревне, немецкий священник, «заново перекрестивший» их в лютеранство, то, как они с двоюродным братом учили немецкие стишки, как немцы их «подкармливали», желтый гороховый суп - все это не просто предметы или действующие персонажи в повествуемых событиях, а своего рода, неотъемлемые элементы для конструирования нарратива. Д. Брунер пишет о конструктивистском подходе к нарративу, по которому создание мира является принципиальной функцией человеческого разума (Брунер 2004: 691, www). Согласно автору, с конструктивистской точки зрения, «истории» не «происходят» в реальном мире, а скорее конструируются в голове рассказчика (там же).

«...я помню хорошо фильтрационный лагерь, куда нас доставили... Вот фильтрационный лагерь я помню женщин, потом я узнала, что это «марты»... это такой отряд женщин... они нас всех кололи. Как-то я помню, что меня вот сюда в грудь укололи в этом лагере. И мне было жутко больно, вот эту боль я потом долго чувствовала, зачем они нас, что они нам кололи, этого я не знаю.»

Респондент была совсем маленьким ребенком, когда началась война, однако при этом она несколько раз указывает на то, как хорошо запомнила события этого периода. К примеру, такие отдельные моменты, как сильная боль от укола, скорее всего, прививки, в фильтрационном лагере в Эстонии, то, как перевозившие их из Эстонии в Финляндию теплоходы обстреливали советские самолеты, пожар на теплоходе:

«...я помню вот это пылающее, пылающее пламя и страшная суматоха там на палубе, вот. И помню, что нас кормили очень вкусно, я первый раз в жизни ела клюквенный кисель. Вот этот запах клюквенного киселя

преследует меня всю жизнь, даже сейчас, если я иду зимним морозным днем по улице, и мимо меня проходит какая-нибудь очень чистая женщина финская, вот надушена каким-то легким-легким ароматом, и вот на меня пахнет вот этим киселем... Это какой-то вот так пронизывающий запах из детства остался у меня.»

Дети понимают мир путем создания вокруг себя понятного для них мира. С самых ранних пор своей жизни ребенок производит нарративы, основанные главным образом на пережитом им опыте, который постигается путем наблюдений за родителями и окружающей жизнью. Со временем дети обнаруживают новые способы создания мира вокруг себя и начинают использовать свое воображение и фантазию для испытания каких-либо новшеств в своих нарративах, которые они не могут проживать в реальной жизни, новшеств, которые исключительны, неожиданны и даже странны. (Huväriinen 2013.)

«...потом нас привезли в Пори... И там мы жили в каком-то... в хозяйской избе в большом... я помню меня поразила еда. Во-первых хозяйка нам дала бруснику с сахаром, которой раньше я никогда не ела, брусника с сахаром. И потом была такая еда, которую я вот у финнов спрашивала, они говорят, они нигде никогда об этом не слыхали. Насыпалось какая-то сухая мука в посуду, и куски масла, самого настоящего масла и вот брали это масло, обволакивали его в этой муке. Может быть это толокно было или что-то такое, Вот финны тоже не могли мне объяснить, что это за еда такая... И что меня поразило, это вот жерди с круглым хлебом, сушеным, вот этот запах, вот. »

Из этих последних отрывков автобиографического интервью открывается мир детского восприятия рассказчицы, тот самый мир детства, который она, вероятно, создавала, будучи ребенком, чтобы как-то понять для себя мир вокруг нее (Huväriinen 2013). Таким образом, из некоторых ярких элементов своего мира детства, таких, как навсегда запомнившиеся болезненные уколы в фильтрационном лагере, пожар на теплоходе на пути в Финляндию, запах клюквенного киселя, брусника с сахаром, обваленные в муке куски «самого настоящего масла», жерди с сушеным круглым хлебом – все эти и еще многие другие вспомогательные элементы, избранные респондентом для конструирования повествования, являются символическими системами (Herman 2012: 71.) в создании нарратива.

С помощью таких первостепенных элементов, как конкретный период времени, определенное пространство и, конечно, сама участница, а также с использованием

вышеназванных вспомогательных средств формируется мир историй. Так, в автобиографическом интервью респондент конструирует социальную реальность вокруг произошедших событий, по-своему оценивая их и наполняя личными переживаниями.

«...мы оказались в таком старом, старом доме. Там было холодно, там было столько тараканов, жутко много, но мы, я только помню вот этот серый дом и эти тараканы, и потом мы уехали оттуда. Мы уехали в Пихлава,... и вот там началась нормальная, хорошая наша финская жизнь. Нам выделили часть такого стандартного домика, там жило три семьи, в середине была семья финская, потом справа вот была семья, и у нас была большая большая комната, там по-моему три окна было...»

Такое резкое изменение, переход от старого серого дома с «жутким» количеством тараканов к «большой большой» комнате в «таким стандартным домике» означает важное изменение в нарративе. Респондент как бы подытоживает один период своей жизни и подчеркивает начало следующего – «...и вот там началась нормальная, хорошая наша финская жизнь». Начало «нормальной, хорошей финской жизни» также является свидетельством одного из ключевых элементов нарратива – изменения. Что-то произошло, что-то изменилось, подчеркивая переход от одного этапа повествования к другому, что подчеркивается в исследованиях Хювяринена как неотъемлемая составляющая нарратива (Huväriinen 2013).

«Финны о нас заботились лучше, чем о собственном населении. Мы получали какие-то пайки, у нас было масло, мама пекла пироги, приглашала финских хозяек, учила их пироги печь... Ну в общем, мы жили хорошо в Финляндии.»

На то, что жизнь семьи респондента изменилась в более благоприятную сторону в повествовании указывают и следующие воспоминания о друзьях детства, о финской школе, о том, что во время войны детей, даже дошкольного возраста, кормили в школе. Повествуя о занятиях в воскресной школе, респондент самым естественным образом проводит отождествление с финской культурой, показывая тем самым, насколько обычным для нее было воспитание детей в духе сложившихся лютеранских традиций. Если в финских традициях, особенно в трудные военные годы, вероисповедание и церковная деятельность не только поддерживались, но и переживали активное развитие (Raninen-Siiskonen 1999: 186), то в идеологии советского периода высшим идеалом духовного развития являлась волевая, преданная партии, советская личность.

Таким образом, процесс самоидентификации респондента происходит путем естественного отождествления себя с той культурой, которая была ей сродни с самого рождения. Рассказчица одновременно подчеркивает общность своей культуры с финской и отрицает свою принадлежность к русской культуре советского периода, где следование религиозным традициям по меньшей мере не поощрялось.

Необходимо отдать должное респонденту за то, что, будучи уже человеком солидного возраста, она сумела сохранить в своей памяти и сконструировать в нарративе свое детское восприятие окружающего мира. Так, в первых воспоминаниях респондента передается чисто детское восприятие действительности, то, что отразилось в детском воображении и воспроизвелось путем воспоминаний: «веселые немцы», «немецкий театр», «красивая певица». Несмотря на то, что эти детские воспоминания тесно переплетаются с ужасами войны, несущей потери, голод, лишения, надежду на выживание, в конструировании нарратива повествуется о пережитых событиях с точки зрения того детского понимания окружающей действительности, на которое способно восприятие ребенка. К счастью, детское понимание окружающего мира не способно уместить в себе ужасы военной реальности. Возможно, здесь срабатывает своего рода защитный механизм детской психики, избавляя ребенка от непоправимых психических травм.

Таким образом, частично отвечая на один из центральных вопросов исследования, уже из рассмотренных выше примеров можно заключить, что в процессе нарративного интервью формирование идентичности происходит путем отождествления себя с одной группой, с финнами, и одновременно посредством отрицания своей принадлежности к другим, к русско-советской культуре.

4.1.2. Роль семьи

После повествования о мире детства необходимо проанализировать следующий из ключевых элементов в конструировании респондентом нарратива – семью как особое пространство. Именно семья представляет один из краеугольных элементов в процессе формирования идентичности рассказчицы. Конструирование респондентом пространства семьи на протяжении всего автобиографического интервью указывает на его особое значение в процессе нарративной самоидентификации.

В данном разделе «пространство» семьи рассматривается с точки зрения родственных связей, выстраиваемых респондентом в автобиографическом повествовании, которые несомненно сыграли важную роль в формировании ее идентичности. Семья рассказчицы пронизана особыми нитями родства, являющего собой неотъемлемую часть личности респондента. Члены этой семьи – не всегда самые ближайшие родственники, но определенно ключевые образы, необходимые респонденту в процессе самоидентификации. Таким образом, в данном случае семью респондента можно рассматривать в качестве определенной общности, как пишет Б. Андерсон, объединяющей группу людей, которые всегда знали о своей связи с людьми, которых они никогда не видели, однако эта связь была когда-то особым образом воображена как неопределенно растяжимые нити родства (Anderson 2006: 8).

Воображаемые пространства формируют ключевые значения, необходимые для нарративной самоидентификации. Так, противоречия, возникающие в процессе самоидентификации, указывают на особое значение тех или иных элементов, персонажей и событий в нарративном автобиографическом повествовании, которые требуют особого внимания.

«...я воспитывалась в финской семье, родители у меня ингерманландцы и родилась я под Петербургом.»

Родители респондента были ингерманландцами, «они чувствовали себя финнами». Несмотря на то, что уже через несколько строк в нарративном интервью респондент подчеркивает «я родилась в такой чисто ингерманландской семье», как упоминалось выше, лишь через несколько десятилетий после своего рождения она познакомится с понятием *Ингерманландия*. Поэтому до этого переломного момента в идентификации респондента она была родом из «чисто финской семьи». Слово «чисто» в данном контексте, вероятно, свидетельствует о том, что русская культура не коснулась своим влиянием семьи респондента, не нарушив таким образом ее этнической целостности.

«родители со стороны отца, они были довольно бедными, но дед был хорошим садоводом и у него, по воспоминаниям моих родителей, пока они еще были живы, я помню, что было пятьсот кустов смородины, крыжовника, вишневый и яблоневые сады, и он поставлял в Петербург фрукты и овощи. А со стороны мамы, семья была очень зажиточной. И там было очень много детей, у них был свой домашний оркестр, у них был большой дом и родители мамы не разрешали ей выходить замуж за отца.»

В повествовании о родителях слышится нескрываемая гордость за свои корни, за свое происхождение. Даже упоминание о бедности по отцовской линии тут же отступает перед вишневыми и яблоневыми садами с несметным количеством ягодных кустов у «бедного» деда. С материнской же стороны слышна некая классическая история, когда девушку из интеллигентной и состоятельной семьи не хотят выдавать замуж за бедного. Как замечает М. Хювяринен (Huväriinen 2013), рассказчик выбирает наиболее значимые, с его точки зрения, эпизоды своей биографии для конструирования повествования. Поэтому, респондент непременно пытается донести до слушателя важность выбранных ею элементов и эпизодов нарратива.

«В 38-ом году... начались репрессии против, но они и раньше, раньше начались там против зажиточных крестьян. Наши семьи не были раскулачены, они относились, они не относились к кулакам, потому что с маминой стороны это была очень интеллигентная семья, мальчики получили образование, один дядя преподавал в консерватории, один дядя кончил Герценовский институт.»

Так, в процессе автобиографического повествования самым тесным образом происходит самоидентификация респондента, ее отождествление с членами вот этой самой «интеллигентной семьи». Респондент не случайно выделяет факты о том, что дяди с маминой стороны были очень образованными и талантливыми людьми, один преподавал в консерватории, а другой закончил институт им. Герцена. Таким образом, выстраивается некая определенная стезя, которой рассказчица будет следовать в своей жизни, где образованность, интеллигентность являются важными характеристиками той общности, объединяющей данную группу людей – семью рассказчицы, и которой она будет стремиться соответствовать.

«То есть, у нас были преподаватели, какие-то вот музыканты, мой один дядя, который погиб в финскую, был очень способным, о нем писала ленинградская газета, что это может быть будущий какой-нибудь Моцарт. Очень, очень талантливый человек был.»

Конструируя свою идентичность посредством повествования о своих родных, респондент формирует для себя определенные жизненные ориентиры, от которых она сможет отталкиваться в своей жизни и двигаться дальше. Не случайно женщина, пережившая войну с ее ужасами и лишениями, смерть родных, жестокие годы изгнаний, голод и нищету, сумеет преодолеть трудности, подняться и идти вперед, сама

добиваясь того, что ей необходимо в жизни. В процессе становления такой волевой личности далеко не последнюю роль играет то, откуда она исходит, ее происхождение, во многом определяющее идентичность рассказчицы.

В рассказе о своей тете, респондент подчеркивает, как тетя, закончив только церковноприходскую школу и очень плохо зная русский язык, выписывала и читала большое количество русскоязычной литературы:

«Вот моя тетя, сестра отца, которая дожила до очень преклонных лет, кончила всего церковноприходскую школу. Она читала все новинки литературы... она выписывала все журналы, все книги, читала, очень любила беседовать на всякие общие и научные темы, но она очень, очень плохо знала русский язык, в основном разговаривала по-фински.»

В этой части повествования невольно ощущается некоторое противоречие, в котором «очень» плохо знающая русский язык ингерманландская женщина на свою скудную, наверняка, пенсию выписывает «все журналы», «все книги» на русском языке и очень любит их читать. На предыдущей странице респондент описывала, насколько закрытыми были некоторые из ингерманландских деревень, к числу которых относилась и их деревня, которые старательно оберегали свой язык и культуру от русско-советского влияния, и куда не было доступа ни русской культуре, ни языку.

Поскольку в ходе автобиографического повествования происходит процесс самоидентификации рассказчицы и конструирование окружающей ее социальной реальности, то можно предположить, что респондент конструирует пространство вокруг себя таким образом, чтобы оно чему-то или кому-то соответствовало (Huväriinen 2013). Чему или кому? Вполне возможно, что члены семьи респондента в той или иной мере должны соответствовать идентичности происхождения этой семьи. Если, к примеру, тетя не является высокообразованной, это не значит, что она не может быть очень начитанной и интересной собеседницей. Отсюда можно сделать вывод, что противоречия или что-то выходящее за рамки обычного являются ключевыми элементами нарратива, его смыслообразующими составляющими, которым необходимо уделять самое пристальное внимание.

На первый взгляд такой подробный анализ некоторых из родственников респондента может показаться излишним, но именно эти здоровые родственные связи, наполняющие нескрываемой гордостью повествование о них – именно они являются

ключевыми элементами самоидентификации респондента, символизируя корни, истоки, идентичность, связанную с происхождением рассказчицы.

Пространство семьи в данном нарративном повествовании представляет собой то самое воображаемое сообщество, описанное Б. Андерсоном (Anderson 2006), объединяющее родных и даже не совсем близких рассказчице людей, некоторых из которых она никогда не встречала в реальной жизни. К примеру, родственники со стороны мамы, дед со стороны отца – все они могли, конечно, запечатлеться в памяти респондента с самого раннего детства, однако, рассказчица была совсем крохотным ребенком уже на момент переезда семьи в Финляндию. Поэтому, вполне возможно, что некоторые из ее «воспоминаний» о людях, местах и происходивших событиях являют собой сконструированный еще в детстве мир вокруг нее с частично воображаемыми образами окружавших ее когда-то людей, знакомых ей из рассказов родителей и никогда не встречавшихся ей в жизни.

Так, через тему семьи, рода в автобиографическом повествовании создается представление о себе как о финке, «простые финские люди», и как об интеллектуале, что не раз подчеркивается в нарративном интервью как важная характеристика членов семьи респондента.

4.2. Хронотоп чужой России: я – ингерманландка

М. Хювяринен (Huväriinen 2013) неоднократно подчеркивает, что в нарративных исследованиях всегда необходимо задаваться вопросом: «Что создается в этом повествовании или с помощью этого повествования?» Данный раздел представляет собой анализ той части автобиографического интервью, в которой респондент конструирует свою идентичность в процессе отождествления себя с ингерманландской культурой, противопоставлением ее не только русской, но и финской идентичностям.

Так, в разговорах респондента с друзьями происходит вполне очевидный процесс ее самоидентификации, когда рассказчица без сомнений подчеркивает, что она «и не финка и не русская, а ингерманландка».

Несколько раз на протяжении всего нарративного интервью респондент подчеркивает свое именно ингерманландское происхождение, иногда прямо противопоставляя его

финскому. Например, с аналитической точки зрения эпизод с упоминанием об ингерманландском флаге заслуживает особого внимания:

«Вот когда в 1991, 90-ом году вдруг у тех ингерма-финнов Ленинградской области проснулось какое-то осознание национальное, появился гимн вспомнили, который был когда-то, потом флаг.»

На уточнение интервьюера о флаге: «Именно ингерманландский?», рассказчица подчеркнула: «Ингерманландский. У меня он до сих пор есть.». При том, что в данном исследовании рассматривается лишь текст нарративного интервью, даже в этих нескольких словах на бумаге слышна нескрываемая гордость, ощущение причастности к чему-то очень значительному для респондента. Таким образом, происходит довольно явный процесс ее самоидентификации. Такие смыслообразующие моменты нарративного повествования указывают на особую в понимании респондента ценность повествуемых событий ее жизни.

«Мы пострадали только как ингерманландцы, когда ... мы же во время войны жили в Финляндии...»

Здесь заслуживает внимания такое разделение на *ингерманландцев*, к которым респондент уже совершенно определенно относит себя и свою семью, и *Финляндию*, которая в данном случае звучит как просто другое место нахождения, а не та самая долгожданная историческая родина, куда респонденту так хотелось вернуться. Здесь уже происходит очевидное разграничение в восприятии респондента между Ингерманландией и Финляндией. При этом интересно заметить, что респондент назвала «тех ингерма-финнов» именно «теми», словно проводя своего рода «неидентификацию» себя с ними. Однако, тут, конечно, вполне возможен не совсем верный выбор слов для определения «тех ингерма-финнов», а вовсе не противопоставление их идентичности своей.

А. Kaivola-Bregenhøj пишет, что жизнь любого ингерманландца была отмечена вынужденными переездами, страхом, голодом и необходимостью начинать жизнь с начала, вновь и вновь (Kaivola-Bregenhøj 1999: 48). Автор подчеркивает, что, разумеется, у каждого – своя жизнь и каждый рассказывает о ней по-своему и своим индивидуальным тоном. Так и участница данного исследования, без жалоб и упреков, повествует о своей полной испытаний жизни, конструируя в нарративе пережитые события своим особым образом.

4.2.1. Обретенная и вновь утраченная Ингерманландия

Несмотря на то, что с момента своего рождения и на протяжении десятков лет респондент даже не знала о существовании понятия *Ингерманландия*, это не помешало ей распределить позднее найденные фрагменты целого в естественном для нее порядке, словно она никогда не сомневалась в их наличии и возможности их обретения для восполнения недостающих составляющих. Согласно повествованию рассказчицы, с самого детства ключевыми элементами ее идентичности являлись финский язык, лютеранство и другие особенности ее родной культуры, которые были, несомненно, сродни финской культуре. Т. Ранинен-Сиисконен подчеркивает особое значение лютеранской веры, силы молитвы, духовно поддерживающей людей, помогающей выживать особенно в тяжелые военные времена (Raninen-Siiskonen 1999: 186). О. Давыдова указывает на дискуссии финнов об ингерманландцах, о доставшихся на долю последних лишениях и испытаниях, в которых подчеркивалось их культурное единство с финнами (Давыдова 2003: 71).

Даже не зная о своем ингерманландском происхождении, в семье респондента изначально ощущали свою причастность к финнам и Финляндии. Как уже упоминалось ранее, Б. Андерсон в своем примере о жителях суматранских поселений упомянул об их особенной связи с людьми, которых они никогда не видели, однако эта связь была когда-то особым образом воображена как некие растяжимые нити родства (Anderson 2006: 120-121). Получается, что и в случае семьи респондента, согласно автобиографическому повествованию, в их сознании конструировался образ родства с финнами и Финляндией через их культурную общность. Согласно Л. Гроссбергу, в непрекращающемся процессе конструирования самоидентификации, о котором писал С. Холл (Hall 1996: 2), существование любой идентичности обусловлено ее отличием от другой, опровержением другой идентичности, которая в свою очередь существует за счет отличия от первой и ее опровержения (Grossberg 1996: 89).

Так, изначально одним из решающих факторов в процессе формирования идентичности респондента явилось отличие их культуры от русской, советской. Именно в качестве противопоставления русско-советской идентичности происходит самоидентификация рассказчицы с ингерманландцами при описании конференций, на которые съезжались «ингерманландцы со всего мира», при повествовании о «возрождении самосознания,

потому что все же разбегались из Советского Союза». Интересно и то, что респондент заканчивает эту мысль фразой, которая также являет собой явное разграничение между ингерманландцами и финнами «...когда Финляндия стала принимать широким потоком в Финляндию, все это заглохло на корню». Так, в этих нескольких словах слышится некое несбывшееся ожидание, ожидание возможной автономии для ингерманландцев, разграничение, как между ингерманландской и русско-советской культурой, так и между ингерманландской и финской.

4.2.2. Жизнь в изгнании

По сравнению с другими финнами, проживающими за пределами Финляндии, ингерманландцев можно считать наиболее пострадавшей группой финнов, претерпевшей множество испытаний, лишений, репрессий и расправ на протяжении столетиями длившихся военно-политических конфликтов между Финляндией и Россией, позднее СССР. Одним из наиболее ожесточенных из этих периодов являются годы второй мировой войны и послевоенные годы, когда бывших граждан СССР насильно, либо с помощью различных уловок возвращали в Советский Союз главным образом для того, чтобы наказать за «предательство отечества». Расстрелы, репрессии, лагеря, ссылки с запретом проживания в «центральных областях» распространялись как на десятки тысяч ингерманландских финнов, так и на миллионы других советских граждан. Данный раздел посвящен повествованию о годах жизни семьи респондента в изгнании.

«Мы пострадали только как ингерманландцы»... «Мы жили хорошо в Финляндии... Но потом в 44-ом году, когда пришла ждановская комиссия в Финляндию, и вышел указ о том, что всех ингерманландцев надо выслать обратно в Россию.»

В семье респондента было решено не прятаться, а вернуться домой – «дома и стены помогают». Так, мечтая о возвращении на свою родину, домой, в родную деревню, предпочтя возвращение отъезду в Швецию, они оказались высланными в товарных вагонах «как сельди в бочке» в Рыбинск. Рассказчица с глубокой неприязнью вспоминает об испорченных плавленых сырках, которыми их кормили по дороге из Финляндии в СССР: «В России все любили очень плавленые сырки, – я их видеть не могла, вот с детства осталось». Здесь необходимо обратить внимание на то, как очень явно рассказчица противопоставляет себя другой группе – «всем в России», не

отождествляя себя с русскими. Усиление этой фразы подчеркиванием «все» указывает на важность этого момента в автобиографическом повествовании респондента. Таким образом, здесь предоставляется возможность наблюдения за процессом самоидентификации респондента.

«В Рыбинске разгрузили, я помню, что было очень много, очень много народу. Пришли вот эти НКВДшники, и все что у нас было с собой, все отобрали, абсолютно все. Единственное, что осталась у мамы была шуба такая, как теленок пролизанный. Вот эта на ней эта шуба осталась, который потом нас спасла. И еще был такой ящик, да у нас в Финляндии же родилась моя младшая, младшая сестренка...И был такой маленький ящичек и там были какие-то детские вот инструменты, бутылочки, сосочки и прочее. И мама посадила меня на этот ящик. И единственное вот он и остался, то что у нас не конфисковали. А так нас раздели, абсолютно все отобрали, одежду, ну мы привезли там приемники, у нас были, какие-то вещи. Ну уезжали в Россию, для хозяйства что-то папа, наверное, приобретал. Ну то есть, оголили до нельзя. Поселили к какой-то старушке, которая украла у нас и этот ящик с инструментами.»

Здесь необходимо ненадолго прервать повествование, с целью проведения анализа данного фрагмента. М. Хювяринен (Huvärinen 2013) подчеркивает в своих исследованиях роль различных лингвистических элементов и приемов в конструировании нарратива. Так, например, повторение тех или иных слов и фраз или же, к примеру, усилительные конструкции подчеркивают важность определенных моментов в повествовании, на которые необходимо обратить внимание. В рассмотренном выше примере явно слышна горечь жизни в изгнании, которая началась с нечеловеческой перевозки людей в товарных вагонах и конфискации у семьи респондента «абсолютно» всего, кроме ящика с детскими бутылочками и сосками, который вскоре у них украли. Здесь выстраивается некоторое противоречие, согласно которому «абсолютно все» было конфисковано, кроме маминой шубы, которую позднее семья продала, чтобы купить козу и как-то выжить.

«И мы там умирали в голоду... Я была квадратная вот такая от голода. И мама потом говорила, что она думала, что я не выживу. Вся в чирьях, гной прямо так тек прямо из головы из этих чирьев, волосы все выпали. Вот, и тогда папа... и дядя Петя, они ходили куда-то, несколько лет назад там был ящур, и погибло очень много овец. И они были захоронены на каком-то кладбище. И вот они ходили, выкапывали этих ящурных овец оттуда и потом дома долго- долго- долго варили.»

Повествуя о страшных условиях жизни в изгнании, респондент в то же время подчеркивает узы семьи и родства, которые являются необходимой составляющей ее идентичности. Фраза «Мы всегда все вместе были» заставляет на мгновение забыть об ужасающих условиях жизни семьи рассказчицы в изгнании и обратить еще раз внимание на роль семьи в процессе ее самоидентификации.

«Потом наладили какие-то письменные, обмен писем с родственниками, которые жили.. Дядя Витя, который преподаватель, в Тарту оказался. И он написал, что приезжайте сюда, что здесь финнам разрешают жить. И мы так в втихаря, без всяких этих, не сообщая никому, уехали в Эстонию, в Тарту. А я забыла сказать, что когда мы приехали туда в Ярославль, в Рыбинск, отца каждую ночь вызывали туда вот в этот НКВД, и он оттуда...он наверное, еще запил поэтому, что он оттуда возвращался – ему жить не хотелось. Ну допрашивали, почему-то нас подозревали, что мы какие-то шпионы или там завербованные, господа, безграмотные люди совершенно. Ну вот, мы и уехали в Тарту, там нам дядя Витя помог там выкупить, ну городскую, конечно, комнату. Ну у одной из женщин, у старой и мы стали там жить, жить. И вдруг пришел приказ в 24 часа в Сибирь.»

При всей тяжести испытаний, выпавших на долю респондента, лишь изредка слышится в повествовании едва сдерживаемая скорбь и тяжесть переживаний, например, при упоминании о том, как тяжело приходилось отцу от допросов по ночам, отчего он, вероятно, запил. Из приведенного здесь фрагмента видно, как рассказчица подчеркивает простоту, даже неграмотность своей семьи: «безграмотные люди совершенно». Такое определение противоречит более раннему повествованию респондента о своей семье, где даже не очень образованные люди были довольно начитанными и интересными собеседниками. При этом важно подчеркнуть, что противоречие является одной из характеристик идентичности, на постоянно изменяющуюся суть которой указывает С. Холл (Hall 1996: 2).

Зачастую респондент конструирует свое жизнеописание таким образом, чтобы соответствовать созданному в ее собственном самовосприятии образу: она происходит из интеллигентной семьи, члены которой являются если не высокообразованными и талантливыми людьми, то, по крайней мере, способными к самообразованию, сильными духом и даже, в некоторой степени, героическими личностями. Так для соответствия своему нарративу, рассказчица становится в повествовании такой нестигаемой героиней своей жизни, показывая самой себе и окружающим свое соответствие общественным требованиям, о чем упоминалось выше со ссылкой на исследования Т. Ранинен-Сиисконен (Raninen-Siiskonen 1999: 185).

«Погрузили в товарники, направление куда-то в Новосибирск, вот туда в Иркутск, вот. Моя мама была очень больна, очень больна. Она, вероятно, уже в вот Ярославле. Она ничего не ела, она худела, у нее одни косточки остались... Омская область, Ивановский район... Вот там нас выгрузили, это опять зима была... И приехали мы в какую-то деревню. Там жили немцы поволжские, которых выселили в свое время оттуда... Я тут недавно смотрела телепрограмму, где говорят, что есть такие сибирские деревни, где живут кержаки, что там никто никогда никому не откроет дверь и не поможет. Вот эта была такая же деревня. Все за глухими заборами, но не знаю каким образом мы все-таки оказались в какой-то избе...»

Пространство сибирской деревни конструируется респондентом как очень замкнутое и еще более враждебное, чем предыдущее. В одном предложении рассказчица употребляет отрицание пять раз подряд: «никто, никогда, никому, не откроет ... и не поможет». Использование таких лингвистических элементов, как отрицание, а тем более, так интенсивно, свидетельствует о значимости данного момента в автобиографическом повествовании. Очевидно, опыт жизни в этой сибирской деревне оставил глубокий отпечаток в сознании респондента. Смерть мамы, серьезная болезнь отца, нелегкие воспоминания об этом времени сами собой подчеркивают тяжелую значительность этого периода в жизни рассказчицы.

В данном хронотопе прослеживается ряд существенных противоречий, таких, например, как формирование ингерманландской идентичности респондента и противопоставление себя не только русской, но и финской группе. Таким образом, респондент противоречит тому, о чем говорилось выше, т. е. отрицает сформированную ею в хронотопе детства финскую идентичность. Однако, с другой стороны, эти противоречия и указывают на самую суть процесса самоидентификации, который постоянно в движении, а также на нестабильность и противоречивость идентичности.

Кроме того, в данном разделе можно проследить, как в автобиографическом повествовании рассказчица конструирует пространство, употребляя, к примеру, один из ключевых элементов нарратива – перемену. Респондент проводит абсолютно четкое разграничение между пространством Финляндии и Советской России. Рассмотренные выше примеры позволяют проследить процесс конструирования пространства и переход от одного пространства к другому.

Пространство Финляндии – означает для рассказчицы то место, где ее семья «жила хорошо». Это место наделяется рядом характеристик, приобретая важное для респондента значение, которому свойственны жизнь, что-то хорошее и радостное, как, например, рождение младшей сестры, финские яблони, красные яблоки и красные станционные домики. Далее происходит резкая перемена в повествовании, которая «в товарниках» переносит семью рассказчицы в пространство изгнаний, приобретающее значение чего-то страшного и горестного, как, например, голод, болезни, смерть близких и страдания. Так, в хронотопе чужой России респондент формирует свою ингерманландскую идентичность, при этом иногда называя свою семью финнами скорее для противопоставления русским, и конструирует пространство, используя для этого ключевые элементы нарратива.

4.3. Хронотоп исторической родины: я все-таки больше финка, чем русская

В данном разделе изучается и анализируется жизнь респондента и ее семьи после переезда в Финляндию уже из постсоветской России. Здесь предпринимается попытка проследить за дальнейшим процессом самоидентификации респондента, проходящим уже на ее исторической родине, а также проанализировать, как рассказчица конструирует пространство с точки зрения своего пережитого опыта и возвращения «домой». Следующий раздел также включает в себя изучение возможных противоречий в автобиографическом повествовании, поскольку именно противоречия являются одними из ключевых элементов нарратива, указывающими на заслуживающие более пристального внимания фрагменты повествования.

4.3.1. Возвращение в Финляндию: противоречивость нарративной самоидентификации

М. Хювяринен ссылается на мысли А. Макинтайра (MacIntyre 1981) относительно персональной идентичности, которая предполагается целостностью личности персонажа, соответствующего нарративу. Таким образом, в данном разделе приводятся и анализируются те ключевые моменты автобиографического повествования, посредством которых происходит формирование нарративной идентичности респондента. Хювяринен считает противоречие одним из основных элементов

нарратива, который обращает внимание на важность тех или иных событий и элементов повествования: «что же произошло?» (Huväriinen 2013).

Так, уже в самом начале нарративного интервью респондент конструирует пространство, в котором она родилась и воспитывалась, связывая в определенное целое понятия «Финляндия», «ингерманландцы» и «под Петербургом»:

«Я воспитывалась в финской семье, родители у меня ингерманландцы и родилась я под Петербургом.»

Как уже упоминалось ранее, во время проведения интервью респондент рассказывает о том, что лишь в достаточно зрелом возрасте она узнала о существовании понятия «Ингерманландия». Получается, что до этого момента рассказчица и ее семья считали себя финнами. Отсюда становится яснее, каким образом респондент конструирует свое пространство. Если из рассмотренной выше фразы убрать слово «ингерманландцы», являющееся для рассказчицы сравнительно новым, то уже не возникает никаких сомнений о незначительности «Петербурга», или Ленинградской области, и тем более даже не упоминая об СССР в данном контексте, на территории которого находилась деревня респондента.

Становится очевидным, насколько «финским» создается пространство родной деревни в процессе повествования, на что также указывает и само ее название, вероятно, финского происхождения. Кроме того, на протяжении всего интервью прослеживается достаточно явное отождествление себя и окружающего пространства с Финляндией. Порой рассказчица приводит примеры очень сильных ассоциаций с этой страной, которые возникали даже вне нахождения на ее территории.

Так, в ходе повествования, при упоминании о клюквенном киселе, которым кормили эвакуированных на теплоходе при перевозке в Финляндию, респондент проводит ассоциацию между «запахом клюквенного киселя», «зимним морозным днем на улице» и проходящей мимо «какой-нибудь очень чистой женщиной финской»:

«... вот надушена каким-то легким-легким ароматом, и вот на меня пахнет вот этим киселем ...»

При уточнении интервьюера, является ли этот запах для респондента первым запахом Финляндии, рассказчица поясняет, что это не запах Финляндии, но «какой-то вот

пронизывающий запах из детства». Удивительно естественным воспринимается это отождествление детства с Финляндией. Это вполне понятно и потому, что, как рассказчица уже упоминала ранее, они с семьей были эвакуированы в Финляндию и провели там несколько лет. Однако, интересно заметить, что тот самый клюквенный кисель запомнился ей с теплохода, еще только на пути в Финляндию. Отсюда получается, что для респондента совсем не имеет значения географическая граница, которую необходимо пересечь, чтобы оказаться в этой стране. Скорее наоборот, при пересечении собственно границы Финляндии у рассказчицы возникли новые чувства, не такие, с которыми повествуется о родной деревне. Даже при том, что ощущение пространства Финляндии распространяется в повествовании на место рождения рассказчицы, тем не менее непосредственное нахождение в самой стране уже совсем иначе влияет на процесс конструирования респондентом пространства.

В ходе автобиографического повествования можно заметить очередной ряд противоречий, одним из которых является понятие *дома* для рассказчицы. Здесь противоречие заключается в том, что «дома» - не означает в Финляндии, хотя семья респондента считала себя финнами. В контексте повествования фраза «мы будем дома» относится к той родной деревне, из которой они были эвакуированы немцами в Финляндию. И хотя деревня находилась на территории Советского Союза, она была именно «домом» для семьи респондента:

«... но мы будем дома. Дома и стены помогают...»

Отсюда можно сделать вывод, что для респондента дом был именно там, в той ингерманландской деревне, где изначально жила ее семья и где сама она родилась. Даже несмотря на то, что местонахождение деревни было на территории СССР, с культурой которого семья себя не идентифицировала, это была их родина. Так, живя в Советском Союзе, семья рассказчицы отождествляла себя с финнами, противопоставляя русскоязычному населению. Однако, во время эвакуации и жизни в Финляндии, при нахождении среди «своих соплеменников», как говорится в повествовании, они не ощущали себя дома. Таким образом, пространство дома для респондента и ее семьи – это отнюдь не историческая родина в «своей» Финляндии, где когда-то жили их предки, а их родная, «своя» деревушка, где жили они сами и их родители, хоть и находилась она на территории «чужого» СССР. Получается, что еще не зная об Ингерманландии, в семье респондента уже очень сильно чувствовалось, что они «не совсем» из Финляндии. Такое довольно сильное противопоставление «своего»

и «чужого» является неотъемлемой основой для нарративной самоидентификации респондента.

Представления человека о каком-либо пространстве зачастую не соответствуют тому, как это пространство воспринимается им при непосредственном нахождении в нем. В своем воображении человек способен связывать определенные места и события, наделяя их особыми смыслами, порой даже очень противоречивыми. Например, в ходе нарративного интервью, с одной стороны, рассказчица очень явно отождествляет себя и свою семью с ингерманландцами, а немного позднее в той же беседе с интервьюером респондент отрицает только что сформированную ингерманландскую идентичность:

«Я не чувствую себя ингерманландкой какой-то. Нет, у меня нет этого ощущения, что вот там моя родина...»

На вопрос интервьюера, чувствует ли она себя дома в Финляндии, респондент отвечает: «нет, не чувствую». Так, в памяти респондента запечатлелся образ родной деревни, наделенный счастливыми воспоминаниями о детстве, «солнечными» и «красивыми»:

«Вот я детские годы рассказывала Вам. Вот это ощущение вот этого детства, его я не хочу терять, оно во мне присутствует. Но не потому что это была Ингерманландия, а потому что это было очень счаст... это была мама и такое первое ощущение, как мама несет меня из бани, из бани, вот это дыхание ее я ощущаю до сих пор.»

Переpletенные чувства и воспоминания о маме, о любви в семье, об огромном саде и спелых фруктах рассказчица сохранила на многие годы, живя вдали от родных мест. Такое ощущение своей причастности к родному пространству, наличие здоровых и сильных корней, с одной стороны, позволяет человеку не потерять себя в своем жизненном путешествии, а с другой стороны, делает его свободным, не привязывая к какому-то одному месту.

Мэсси пишет об изменяющейся природе места, что непосредственно связано с растущей тенденцией перемещения людей по планете, а также с взаимовлиянием различных культур (Massey, Jess 1995: 3, 7). Так, перемещение финнов в начале XVII века на приграничные с Россией территории, получившие название Ингерманландии, изменили не только облик этого пространства, но и положили начало созданию новой культуры – ингерманландской, хотя и исходящей из финской, но все же имеющей свои

особенности. Отсюда становится понятным, почему семья респондента не ощущала себя дома, находясь среди «своих соплеменников» в Финляндии, а мечтала вернуться в родную деревню, расположенную в чужой Советской России.

По разным причинам места рождения людей все больше превращаются в опустошенные и заброшенные, что, в первую очередь, затрагивает деревни и малонаселенные города. Так, респондент с грустью и даже некоторым разочарованием упоминает о том, как, спустя много лет, они вместе с супругом посетили ее родные места: «Но лучше бы я туда не ездила.». «Светлое ощущение какого-то счастья», прочно связанное с детством и той самой родной деревней, отступили перед нищетой и разрухой действительности.

Несомненно, в тех случаях, когда мигранты отправляют на родину, к примеру, финансовые ресурсы или даже решают туда вернуться, появляется некая надежда на обновление и возрождение этих мест за счет привнесения в их существование нового опыта, иных видов практической деятельности и взаимоотношений (Massey, Jess 1995: 3, 7). Однако, обычному человеку, как, например, в случае с нашим респондентом, не под силу повлиять на такой ход событий. Поэтому нередко, хоть и со скорбью в сердце, человек вынужден смиряться с потерей своей родины, будучи просто не в силах что-то изменить.

Другим противоречием, или дислокацией, в жизни респондента явилась невозможность самореализации после переезда в Финляндию. Всю свою жизнь, как представлено в нарративе, рассказчица была чрезвычайно трудолюбивым человеком. С детства хорошо училась в школе, после чего продолжила учебу, получив два высших образования. Делая упор на своей целеустремленности и трудолюбии, респондент выбирает для нарратива именно те фрагменты своей биографии, которые, с ее точки зрения, способствовали формированию ее идентичности. Учеба в институте совмещалась с работой, что уже воспринимается вполне естественным в контексте нарратива рассказчицы. Так, согласно Т. Ранинен-Сиисконен (Raninen-Siiskonen 1999: 185), рассказчица становится героиней своей жизни, показывая как себе, так и окружающему обществу свои способности, свое соответствие определенным общественным критериям, основы которых были заложены ее семейной идентичностью.

Как упоминалось выше, одним из ключевых элементов нарратива является перемена, при которой нарушается ровное течение событий и создается какая-то новая ситуация. Так, для респондента непривычно новой в жизни явилась невозможность применения

своего образования и профессионального умения при переезде в Финляндию уже в постсоветский период. Хотя рассказчица уже имела возможность наблюдать и оценивать такой опыт со стороны, еще будучи совсем ребенком во время жизни в Финляндии после эвакуации. Рассказчица повествует о переживаниях из-за неустроенности и несоответствий своего дяди, высокообразованного человека, работавшего в Финляндии на «лесопилке»:

«И тоже на лесопилке там работал вместе с отцом. Он первым, первым, он очень чувствовал свою, вероятно, ущербность от того работать на лесопилке, а не где-то там... преподавать. Ему, конечно, хотелось. И жена у него была русская. И ему хотелось обратно.»

Уже будучи взрослым человеком и постоянно работая на хороших позициях вплоть до самого переезда в Финляндию, респондент вдруг оказывается в своеобразном вакууме на своей исторической родине. Для человека, привыкшего к постоянной рабочей деятельности в качестве профессионала высокого класса, вероятно, не легко согласиться со своей новой ролью «безработной», живущей на пособие по безработице.

Невозможность применения своих высоких профессиональных навыков, полученных в результате двух высших образований и на протяжении всей жизни накопленного ценного опыта, приводят к тому, что Р. Парреньяс называет *дислокацией* (Parreñas 2001: 151). Такого рода дислокации являются следствием сильных несоответствий, как, например, в данном случае респондент не могла применить свое образование и профессионализм, превратившись в безработную. В ходе всего нарративного интервью, с самого начала и до конца респондент формирует конкретную идентичность трудолюбивого человека, не сдающегося ни перед какими вызовами. Респондент не жалуется, а скорее с горечью оценивает пережитые события и, рассказывая сначала о переезде дочери, а позднее и о своем, передает свои переживания интервьюеру:

«Она (дочь) говорит: я неправильно приехала в Финляндию, поэтому ей никто... то есть, она все сама добывала. А если бы она приехала как ингерманландка, то есть, ей бы помогли с учебой, может быть куда-то в школу бы пристроили, то есть, она без таких огромных усилий как бы... это же трудно было все осваивать, язык с азов, в детстве она никогда не говорила. То есть мы неправильно как бы приехали. Поэтому, поэтому... Ну я все равно поступила на курсы. Каких только курсов здесь не пооканчивала.»

Так, по приезду в Финляндию респондент поняла, какую они с дочерью совершили ошибку. Человек, прошедший через жестокие испытания в своей жизни, не жалуясь, не сгибаясь, а только преодолевая все тяжести своей судьбы, не смог воспользоваться теми льготами, которые были введены в государственной системе Финляндии именно для этих людей и их семей. Ранее в данной работе уже подчеркивалось, что жизнь любого ингерманландца была отмечена выпавшим на долю этих людей множеством тяжелых испытаний, как, например, изгнания, страх, голод и необходимость начинать жизнь с начала, вновь и вновь (Kaivola-Bregenhøj 1999: 48). Так, респондент, своим особым образом рассказывает в автобиографическом интервью о своей полной страданий жизни, конструируя значимые в ее жизни хронотопы, необходимые ей в процессе нарративной самоидентификации.

Повествуя о своей жизни в Финляндии, не жалуясь, а лишь с некоторой долей разочарования респондент отвечает на вопрос интервьюера о том, почувствовала ли она, что приехала на родину:

«Нет я вообще... я была в такой растерянности, что я заболела. Я заболела. Я не понимала, у меня столько друзей финнов, мы так прекрасно общались столько лет. Со студентами. Они всегда меня мамочкой звали, потому что я их подкармливала... Потом, когда я сюда приезжала, если я была в делегации, жила в гостинице везде все бесплатно нас возили, кормили и прочее или к друзьям приезжала. И вдруг я оказалась здесь, у всех стеклянные глаза, все смотрят, никто со мной не разговаривает. У меня была собака и пока она здесь жила, ..., я ни с одной собачницей не познакомилась, ... Они сразу отстранялись. Как только они узнавали, что я из Москвы.»

Парреньяс определяет такого рода дислокацию от местного населения страны, с одной стороны, и дислокацию от другого сообщества, например, мигрантов, друзей, с другой, как дислокацию непринадлежности. Такое ощущение социального исключения способно породить у человека чувство неудачника и привести к деструктивной замкнутости по отношению к сообществу. (Parreñas 2001: 241.)

Представление об инаковости не является только лишь представлением о другом пространстве или об иной стране, культуре, гендерной и любой другой идентичности. Инаковость является также оппозицией времени (Bondi 1997: 78). Респондент ссылается на свой уже солидный возраст, который явился одной из причин ее трудовой неустроенности. Несомненно, такие радикальные изменения в жизни человека, привыкшего преодолевать испытания, даже такие, которые приносит война, во времена

мира и относительного спокойствия могут поставить в тупик даже самого стойкого из людей. Возможно, потому, что самое страшное уже преодолено, а все остальное не вызывает такой необходимости преодоления.

По меньшей мере, сильная усталость и определенное разочарование слышны в заключительных фрагментах повествования респондента. Рассказчица как бы подводит итог не только своего повествования, но и жизненного пути, который привел ее в Финляндию, на ее историческую родину. И снова не возможно обойтись без упоминания о работе Б. Андерсона *Воображаемые сообщества*, где автор подчеркивает, что все сообщества – воображаемые. Отсюда напрашивается сравнение с представлениями респондента о Финляндии и ее жизни с дочерью в этой стране после переезда, и с той действительностью, которая им открылась в реальной жизни.

«Так что раздвоение личности у меня было очень сильное, я очень сильно была в таком унынии, бесперспективности, жалела, зачем я приехала сюда, у меня там была... в России могла бы устроиться гувернанткой в какую-то богатую семью, воспитывать там детей. У меня педагогическое образование, хорошие рекомендации, я бы получала бы там хорошие деньги и могла бы жить. Первые годы меня Катя, конечно, удерживала, я не могла ее одну оставить... Но я, наверное, и не вернулась, бы, потому что все равно в душе я финка, я не русский человек. Генетически я, конечно, финка.»

Так, подводя итоги в данном разделе, можно в очередной раз подчеркнуть изменчивость природы идентичности, которая постоянно изменяется в процессе автобиографического интервью. Отождествляя себя с одной культурой и одновременно противопоставляя другой, респондент формирует нарративную идентичность, которая складывается из всех других ее идентичностей. При этом, пространства и места представляют собой необходимую основу для процесса самоидентификации. Выделенные респондентом пространственно-временные связи, хронотопы, позволяют рассказчице выдерживать автобиографическое повествование в рамках данного жанра, являясь своего рода ориентирами для конструирования пространства, создания значимых мест и формирования нарративной идентичности.

Ключевые элементы нарратива позволяют выделять и подчеркивать значение тех или иных событий, элементов и пространств в повествовании рассказчицы, являясь неотъемлемыми составляющими нарративного анализа. Как неоднократно упоминалось выше, перемена и противоречие – одни из ключевых элементов

нарратива, представляющие собой основу для нарративной самоидентификации, в процессе которой формируется нарративная идентичность респондента.

4.3.2. Гендер в нарративной самоидентификации

В настоящей работе видится достаточно важным применение гендерных исследований, поскольку участница данного исследования – женщина, которая на протяжении всего нарративного интервью конструирует определенные гендерные отношения, как в своей семье, так и в отношениях с другими людьми. По своему характеру определение гендерных ролей респондентом очень соответствует навязанным советским государством гендерным нормам, согласно которым идеальная советская женщина – это жена, мать и непременно работница. Подобный подход к гендерной проблематике вполне объясним уже тем, что рассказчица провела весьма значительную часть своей жизни в Советском Союзе, где, согласно Е. Здравомысловой и А. Темкиной, государство играло решающую роль в создании пронизывающего всю советскую повседневность гендерного порядка в стране путем учреждения нормативных актов, соответствующих официальной идеологии. Ученые выделяют несколько различных периодов гендерных отношений в течение существования советского государства. (Здравомыслова, Темкина 2007: 100-102.)

К настоящей работе наиболее целесообразным видится применение двух последних этапов из предложенной учеными гендерной периодизации. Первый из них начинается с середины 1950-х гг., так называемый период политической оттепели, ознаменованный массовым жилищным строительством главным образом с целью решения демографической проблемы в стране (там же: 131). Несмотря на то, что респондент приводит размышления о гендерных отношениях косвенно, через примеры о других людях, будь то знакомые или даже некоторые из ее студентов, тем не менее, эти небольшие фрагменты, сконструированные в ходе автобиографического повествования, указывают на определенные признаки гендерной идентичности рассказчицы.

«Я уже к тому времени кончила университет, пединститут... в 63 в Карелии, это была уже оттепель, все было можно... через год летом мне позвонила такая Венла (?) Киронен, она в Петрозаводске была заведующей литературной частью финского театра... она работала в Москве в этой международной школе переводчицей шведского языка. Она мне позвонила и говорит: 'Слушай, мне порекомендовали обратиться к тебе'. Вот... и я

поехала. Я долго думала выбирать, значит, аспирантуру я должна готовиться или ехать в Москву. Ну я приехала в Москву... оказывается она была беременна. Она ждала ребенка и должна была обеспечить... ее не отпускали. А что значит в шестьдесят пятом году родить без мужа ребенка... это не современное время, это такой обструкции подвергнут человека, и так было бы много сложностей с этим ребенком. Но она никому не говорила, а ей надо было обеспечить какой-то тыл и она, значит, вот нашла меня.»

Как видно из приведенного выше фрагмента нарративного интервью, с одной стороны, респондент указывает на начало определенно нового периода в жизни советских людей, когда с наступлением оттепели «все было можно». Но, с другой стороны, рассказчица тут же указывает на существующие в стране гендерные нормы, которые Здравомыслова и Темкина называют лицемерной советской сексуальной и гендерной политикой. В своей публикации ученые неоднократно подчеркивают, что для того поколения советских женщин, чей детородный возраст пришелся как раз на описываемый здесь период – с середины 50-х до конца 80-х гг., – для этого поколения характерна, например, рутинизация аборта (Здравомыслова, Темкина 2007: 128).

«А тогда ребята приезжали не учиться, а развлекаться. Это было такое время, когда они там дружили с мальчиками, с девочками, ходили по ресторанам, были очень хорошо все одеты, так вот, несерьезно это все.»

Так, с одной стороны, довольно деликатно, и все же с некоторым осуждением, чрезвычайно характерным для советской гендерной политики, респондент описывает появление новых взаимоотношений среди студентов. Также видится интересным другой фрагмент из повествования рассказчицы, в котором довольно явно прослеживается идеологическое направление советского периода:

«Это было вот настоящее такое, знаете, демократическое... И кто вспоминает там какие-то гонения против... Ничего не было. Ничего подобного. Ни на евреев там, на финнов, ни на инородцев у нас не было. У нас была такая очень дружная компания, международная компания... Мы все дружили друг с другом. Ну молодежь со всего мира, такие расслабленные все, оттепель, замечательное время просто было такое.»

М. Лильстрём подчеркивает прагматико-политическую, а также идеологическо-образовательную роль автобиографических текстов советских женщин 1970-х гг., где

индивидуальность представлена как идентичность, сформированная в качестве продолжения коллективного (Liljeström 2000: 81). Так и в повествовании респондента порой слышится конструирование собственной идентичности, исходящей из коллективной идентичности. То, что было общепринятой нормой, глубоко усваивалось людьми, которые по разным причинам не желали выделяться среди других. Так, в рассуждениях «И кто вспоминает там какие-то гонения против... Ничего не было. Ничего подобного. Ни на евреев там, на финнов, ни на инородцев у нас не было» слышится некая установка, соответствие узаконенной идеологии о дружбе народов.

На протяжении практически всего советского периода роль государства в регулировании гендерной сферы, семьи, трудовой деятельности женщин, в определении понятий мужественности и женственности оставалась главенствующей. Так и в описываемый здесь период государственная гендерная политика сводилась к абсолютному контролю, как общественной, так и приватной сфер жизни советских людей, устанавливая рамки морали и нравственности в отношении сексуальности и деторождения.

С одной стороны, отмена сталинских актов о криминализации абортов, усиление государственной поддержки материнства, упрощение процедуры развода выступали в качестве либерализации гендерной политики в отношении женщин. Однако, с другой стороны, как подчеркивают Здравомыслова и Темкина, аборт становится своего рода телесным наказанием женщины за нежелание рожать детей, представляющим собой глубоко травмирующий опыт. При том, что советская гендерная политика была направлена на поддержку материнства, тем не менее в официальном государственном дискурсе доминировало понятие семьи в качестве «основной ячейки общества». (Здравомыслова, Темкина 2007: 128-131.) Как следствие подобного дискурса, все остальные проявления гендерных отношений являлись отклонениями от «нормы». Таким образом, становится вполне очевидным, на что указывает респондент, когда повествует о том, какие трудности сопровождали одинокую женщину, ожидавшую рождения ребенка без мужа. Кроме того, респондент подчеркивает роль семьи и отношений в семье на протяжении всего автобиографического повествования. Если в самом начале речь шла о семье, где рассказчица была ребенком, то соответственно в дальнейшем конструируется пространство собственной семьи респондента, в которой она – жена, мать, и, конечно же, труженица высокого класса, одним словом, вполне соответствующая советскому идеалу женщины.

Для соответствия установленным гендерным нормам в Советском Союзе, где родилась, выросла и провела весьма значительную часть своей жизни участница данного исследования, ей необходимо было воплотить в себе идеал советской женщины. Так, ориентированная на семью и материнство труженица, непременно совмещающая в себе и работницу, и мать, и супругу, очень органично вписывается в нарратив респондента. Женщина, не воплощающая в себе хотя бы одну из этих ролей, уже не подходила под понятие навязанного государственной гендерной политикой идеала, являясь, скорее, неким отклонением от нормы, как можно было увидеть в одном из приведенных выше примеров. Как ранее подчеркивалось в данной работе, в процессе нарративной самоидентификации одной из характерных особенностей формирования нарративной идентичности является соответствие персонажа повествованию. Такая же параллель прослеживается и в нарративной самоидентификации респондента, где рассказчица словно бы следует сконструированной серии пережитых ею логически и хронологически связанных событий, фабулы, стараясь выдерживать соответствие персонажа повествованию.

5. Заключение

В ходе рассмотренного здесь автобиографического повествования происходит процесс нарративной самоидентификации респондента на основе конструируемых хронотопов. Из проведенного нарративного анализа становится понятным, что все пространства являются воображаемыми, хотя для респондента все они кажутся вполне реальными. Так, образ родины конструируется путем отрицания прожитых пространств Ленинградской области, Финляндии и даже Ингерманландии. Родиной для респондента определяются те счастливые воспоминания и ассоциации из детства, которые она приводит в своем повествовании. Именно пространство, точнее мир детства являет собой родину для рассказчицы, именно ее происхождение, ее семейная идентичность является пространством ее родины, а совсем не прожитые географические пространства.

Также происходит с формированием респондентом ее нарративной идентичности. Она и не финка, и не русская, а в итоге – и не ингерманландка. С одной стороны, здесь можно увидеть то самое «размывание идентичности», только в противоположность З. Бауману, здесь скорее правильнее будет применить это понятие все же к мигранту, чем

к местному населению принимающей страны. Таким образом, в определенных сконструированных здесь хронотопах можно проследить довольно определенную самоидентификацию респондента, где она четко указывает на принадлежность, например, своей семьи к группе финнов. Однако, к концу интервью те ранее кажущиеся четко сформировавшимися идентичности теряют свои очертания, обретая иные характеристики.

С другой стороны, необходимо помнить о самой природе процесса самоидентификации, подчеркнутой С. Холлом, которая представляет собой никогда не прекращающийся процесс, «постоянно в процессе». Практически постоянно в ходе данного автобиографического повествования прослеживается формирование идентичности респондента посредством не только отождествления себя с определенной группой, но одновременно и путем опровержения своей принадлежности к другой группе. Кроме того, нельзя упускать из виду характерные черты нарративной идентичности, подчеркнутые в исследованиях М. Хювяринена, которая уже изначально словно запланирована, предполагая наличие необходимого персонажа, соответствующего определенному нарративу.

Представляя собой особый вид дискурса, нарратив уже по своей природе предполагает возникновение определенного диалога относительно существования различного восприятия и понимания окружающего мира. Таким образом, когда приглашенная для нарративного интервью респондент повествует о своей автобиографии, возникает определенная ситуация, в которой респондент и интервьюер пытаются найти ответы на интересующие их вопросы, причем совсем несхожие у обеих сторон. Для интервьюера – это вопросы проводимого исследования, для респондента – это попытка определения своего «этического» места в мире, иными словами – процесс самоидентификации, а зачастую – и самореализация. Именно переживание прошедших событий заново путем воспоминания, оценка и пересматривание своей роли в произошедшем позволяют респонденту лучше понять себя и окружающую ее социальную действительность.

В ходе изученного автобиографического интервью были рассмотрены процессы конструирования респондентом пространственно-временных связей, хронотопов, процессы самоидентификации и, конечно же, процесс конструирования самого повествования. Исходя из проведенного нарративного анализа можно заключить, что автобиографическое повествование непременно сопровождается эмоциональными переживаниями рассказчицей изложенных событий. Вполне естественно, что в рассказе

о своем жизненном пути человек не просто передает какую-то хронику событий, а наделяет пережитое пространство своими чувствами, оцениваем и аргументацией.

Данное исследование ставило своей целью изучить рассматриваемые здесь ключевые проблемы именно с точки зрения нарратива, автобиографического повествования, которое вне всяких сомнений носит вполне субъективный характер.

Подводя итоги, на основе проведенного нарративного анализа можно подтвердить предложенную в начале данного исследования гипотезу, что в процессе автобиографического повествования происходит формирование новой нарративной идентичности, с одной стороны, основывающейся на всех ранее сформированных респондентом идентичностях, а с другой стороны, обретающей новые признаки в процессе повествования. Как не раз подчеркивалось в данной работе со ссылкой на вторичные академические источники, а также уже и благодаря выводам нарративного анализа, идентификация представляет собой никогда не прекращающийся процесс, который постоянно сопровождается как переоценкой уже прожитых пространственно-временных связей, так и конструированием будущего. Идентичность не является чем-то законченным, раз и навсегда определенным, а скорее наоборот, являясь порой неуловимой и довольно неоднозначной характеристикой принадлежности человека к определенной группе, идентичность способна претерпевать весьма значительные изменения. Так, конструируя хронотопы в своем повествовании, определяя наиболее значимые для нее связи прожитого пространства и времени, респондент формирует нарративную идентичность, основанную на аргументации и переоценивании во внутреннем диалоге всех ранее сформированных идентичностей.

Нарративная самоидентификация непременно должна соответствовать изложению пережитого жизненного опыта, поэтому в ходе нового конструирования прошедших событий обязательно появляются новые элементы и дополнения в повествовании. Те же процессы наблюдаются и в конструировании пространства. При новых размышлениях о пережитых событиях, при рассматривании их не только со своей точки зрения, с точки зрения диалога с собой сегодняшней, но также и с точки зрения диалога с интервьюером, респондент несомненно придает новые значения пережитому опыту, на основе которых конструируются пространства и места. Таким образом, как ранее упоминалось в нарративном анализе, например, сконструированное респондентом пространство родины, обретает довольно неожиданные черты, как для интервьюера, так и для самой рассказчицы.

Проведенный нарративный анализ также дает возможность лучше понять взаимосвязь между категориями *идентификация* и *пространство*, выстраивая в сконструированных хронотопах не только связь между пространством и временем, но и неоспоримую связь между пространством и процессами самоидентификации. На разных этапах своего жизненного пути, в различные периоды своей жизни респондент формировала свою идентичность, исходя из восприятия и понимания ею мира, а также окружающей ее и изменяющейся во времени и пространстве социальной реальности. Отсюда вполне понятно, что в ни на миг не останавливаемом процессе жизни также происходят постоянно движущиеся процессы самоидентификации и конструирования пространства.

Как упоминалось выше со ссылкой на исследования М. Хювяринена и Л. Минка, жизнь не имеет начала, середины и конца, только лишь в рассказываемых историях можно определить эти временные рамки. Так, в повествовании о своей жизни другому происходит процесс самоидентификации человека, конструируется пространство и познается окружающий нас мир.

Список источников

Первичный источник:

Интервью с Мирьям Ниукканен 2009. Интервью проведено 16.3.2009. Интервьюер Ирина Савкина, университет г. Тампере, институт современных языков, переводоведения и литературоведения, отделение русского языка и культуры: Тампере.

Вторичные источники:

Anderson, Benedict 2006. *Imagined communities*. Third edition. Verso: London.

Bakhtin, Mikhail 1981. *The Dialogic imagination: four essays*. Ed. by M. Holquist. University of Texas Press: Austin, p. 41-83, 84-258.

Bal, Mieke 2009. *Narratology: introduction to the theory of narrative*. University of Toronto Press: Toronto.

Barker, Chris 2003. *Cultural Studies: Theory and Practice*. Sage: London.

Bauman, Zygmunt 1996. From Pilgrim to Tourist – or a Short History of Identity. *Questions of Cultural Identity*. Ed. by S. Hall and P. Du Guy. Sage Publications: London, p. 18-36.

Bondi, Liz 1997. Feminism, Postmodernism and Geography: Space for Women? *Space, Gender, Knowledge: Feminist Readings*. Ed. by L. McDowell & J. P. Sharp. Arnold, A member of the Hodder Group: London, p. 73-82.

Chamberlain, Mary and Thompson, Paul 1998. Introduction: Genre and Narrative in Life Stories. *Narrative and Genre*. Ed. by M. Chamberlain and P. Thompson, Routledge: London, New York, p. 1-22.

Danow, David K. 1991. *The Thought of Mikhail Bakhtin: From Word to Culture*. Macmillan: Basingstoke.

Erikson, Erik H. 1974. *Childhood and Society*. Harmondsworth: Penguin: Middlesex.

Erikson, Erik H. 1994. *Identity: Youth and Crisis*. Norton: New York.

Grossberg, Lawrence 1996. Identity and Cultural Studies – Is That All There Is? *Questions of Cultural Identity*. Ed. by S. Hall and P. Du Guy. Sage Publications: London, p. 87-107.

Hall, Stuart 2003. Kulttuuri, Paikka, Identiteetti. *Erilaisuus*. Toim. M. Lehtonen ja O. Löytty. Vastapaino: Tampere.

Hall, Stuart 1999. *Identiteetti*. Suom. ja toim. M. Lehtonen ja J. Herkman. Vastapaino: Tampere.

Hall, Stuart 1997. The spectacle of the ‘other’. *Representation: cultural representations and signifying practices*. Ed. by S. Hall. Sage Publications: London, p. 223-290.

- Hall, Stuart 1996. Introduction: Who needs Identity? *Questions of Cultural Identity*. Ed. by S. Hall and P. Du Guy. Sage Publications: London, p. 1-17.
- Hall, Stuart 1995. New cultures for old. *A place in the World*. Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford University Press: Oxford, p. 176-213.
- Herman, David 2012. Exploring the Nexus of Narrative and Mind. *Narrative Theory: Core Concepts and Critical Debates*. Ed. by D. Herman at al. The Ohio State University Press, Columbus, p. 14-19.
- Holstein, James A. and Gubrium, Jaber F. 2003. Inside Interviewing: New Lenses, New Concerns. *Inside Interviewing: New Lenses, New Concerns*. Ed. by James A. Holstein and Jaber F. Gubrium. Sage Publications: Thousand Oaks, London, New Delhi, p. 3-30.
- Hyvärinen, Matti 2011. Haastattelukertomuksen Analyysi. *Haastattelun Analyysi*. Toim. J. Ruusuvuori, P. Nikander ja M. Hyvärinen. Vastapaino, Tampere, s. 90-118.
- Hyvärinen, Matti ja Löyttyniemi, Varpu 2005. Kerronnallinen haastattelu. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusuvuori ja L. Tiittula. Vastapaino: Tampere, s. 189–222.
- Kaivola-Bregenhøj, Annikki 1999. Life as narrative: Ingrian-Finns tell about their vicissitudes. *Ingrians and Neighbours: focus on the eastern Baltic Sea region*. Ed. by M. Teinonen and T.J. Virtanen. Tammer-Paino Oy: Tampere, p. 48-60.
- King, Russell 1995. Migrations, globalization and place. *A place in the World*. Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford University Press: Oxford, p. 6-44.
- Labov, William 1972. *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular*. The University of Pennsylvania Press: Philadelphia.
- Lefebvre, Henri 1991. *The Production of Space*. Blackwell Publishing: Oxford.
- Liljeström, Marianne 2000. The Remarkable Revolutionary Woman: Rituality and Performativity in Soviet Women's Autobiographical Texts from the 1970s. *Models of Self: Russian Women's Autobiographical Texts*. Ed. by M. Liljeström, A. Rosenholm and I. Savkina, Kikimora Publications, Helsinki, c. 81-102.
- Lähteenmäki, Maria 2007. Dreaming of a Greater Finland. Finnish-Russian Border Demarcation from 1809 to 1944. The flexible frontier: change and continuity in Finnish-Russia relations. Aleksanteri Series 5/2007: Helsinki, p. 145-169.
- Massey, Doreen 1994. *Space, Place and Gender*. Polity Press: Cambridge.
- Massey, Doreen 1995. The conceptualization of place. *A place in the World*. Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford University Press: Oxford, p. 46-85.
- Massey, Doreen and Jess, Pat 1995. Introduction. *A place in the World*. Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford University Press: Oxford, p. 1-4.
- McDowell, Linda 1999. *Gender, Identity and Place: understanding feminist geographies*. Polity Press: Cambridge.

- Nevalainen, Pekka 2008. Johdanto. *Inkeriläisiä siirtämässä: Jussi ja Liisa Tenkun päiväkirjat 1943-1944*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1151, Tieto. Paino Gummerus Kirjapaino Oy: Juväskylä, s. 5-15.
- Parreñas, Rhacel Salazar 2001. *Servants of Globalization: women, migration, and domestic work*. Stanford University Press: Stanford.
- Raninen-Siiskonen, Tarja 1999. *Vieraana omalla maalla: tutkimus karjalaisen siirtoväen muistelukerronnasta*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: Helsinki.
- Rose, Gillian 1995. Place and Identity: a sense of place. *A place in the World*. Ed. D. Massey and P. Jess. Oxford University Press: Oxford, p. 88-132.
- Ruusuvuori, Johanna ja Tiittula, Liisa 2005. Tutkimushaastattelu ja vuorovaikutus. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusuvuori ja L. Tiittula Vastapaino: Tampere, s. 22-56.
- Salmela, Markku 2006. Paul Auster's Spatial Imagination. Tampere University Press: Tampere.
- Scholes, Robert; Phelan, James and Kellogg, Robert 2006. The Nature of Narrative. Oxford University Press: New York.
- Tiittula, Liisa ja Ruusuvuori, Johanna 2005. Johdanto. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusuvuori & L. Tiittula. Vastapaino: Tampere, s. 9-21.
- Tuuli, Erkki 1988. *Inkeriläisten vaellus*. Werner Söderström Oy: Porvoo – Helsinki – Juva, s. 13-53.
- Valentine, Gill 2007. Imagined Geographies: Geographical Knowledges of Self and Other in Everyday life. *Human Geography Today*. Ed. by D. Massey, J. Allen and P. Sarre. Polity Press: Cambridge, p. 47-61.
- Voronina, Olga. 1994. The Mythology of Women's Emancipation in the USSR as the Foundation for a Policy of Discrimination. *Women in Russia: a new era in Russian feminism*. Ed. by A. Posadskaya. Verso: London, New York, p. 37-56.
- Walsh, Richard 2007. *The Rhetoric of Fictionality: Narrative Theory and the Idea of Fiction*. The Ohio State University Press: Columbus.
- Бахтин, М.М. 1975. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература.
- Восленский, М.С. 1985. *Номенклатура: господствующий класс Советского Союза*. London: Overseas Publications Interchange Ltd.
- Давыдова, О. 2003. Репатрианты у ворот Финляндии – в поисках «правильной» идентичности. *Россия и Финляндия в диаспоральном контексте*. Науч. ред. Н.П. Космарская. Москва: Еврейский университет, с. 66-98.
- Здравомыслова, Е. А. и Темкина, А. А. 2007. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования. *Российский гендерный порядок: социологический подход*. Отв. ред. Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, с. 9-33.

Материалы, опубликованные в Интернете:

Bruner, Jerome 2004. *Life as Narrative*. *Social research*. Vol. 71, No 3, p. 691-710.

<http://ewasteschools.pbworks.com/f/Bruner_J_LifeAsNarrative.pdf>.

[Просмотрен 25.4.2013]

Gender identity 2006. *Definition of terms: sex, gender, gender identity, sexual orientation*.

American Psychological Association.

<<http://www.apa.org/pi/lgbt/resources/sexuality-definitions.pdf>>. [Просмотрен

20.11.2013]

Heikkilä, Elli and Peltonen, Selene 2002. *Immigrants and Integration in Finland*.

Siirtolaisuusinstituutti: Turku.

<http://www.migrationinstitute.fi/articles/069_Heikkila-Peltonen.pdf>.

[Просмотрен 20.11.2012]

Hyvärinen, Matti 2006. *Kerronnallinen tutkimus*.

<http://www.hyvarinen.info/material/Hyvarinen-Kerronnallinen_tutkimus.pdf>.

[Просмотрен 27.02.2012]

Mouffe, Chantal and Massey, Doreen: *Spatial Justice Introduction* (conference).

<<http://video.yandex.ru/#search?text=Doreen%20Massey&where=all&id=370219>

[61-09-12](http://video.yandex.ru/#search?text=Doreen%20Massey&where=all&id=370219)>. [Просмотрен 22.2.2012]

Niemi, Heli 2007. *Russian Immigrants in Finnish Society*. *Social Work and Society*. Online News

Magazine, *International Social Work and Society (SW & S)*.

<<http://www.zoominfo.com/p/Heli-Niemi/1262673725>>. [Просмотрен 22.2.2011]

Population structure 2013. Statistics Finland.

<http://www.stat.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html#structure>. [Просмотрен

10.01.2014]

Portelli, Alessandro 1998. *Oral History as Genre*. *Narrative and Genre*. Ed. by M.

Chamberlain and P. Thompson, Routledge: London, New York, p. 23-45.

<[http://people.cohums.ohiostate.edu/ulman1/courses/2367.01_AU12/OnlineReadings/p](http://people.cohums.ohiostate.edu/ulman1/courses/2367.01_AU12/OnlineReadings/portelli.pdf)

[ortelli.pdf](http://people.cohums.ohiostate.edu/ulman1/courses/2367.01_AU12/OnlineReadings/portelli.pdf)>. [Просмотрен 11.3.2013]

Tanner, Arno 2011. *Finland's Balancing Act: The Labor Market, Humanitarian Relief, and*

Immigrant Integration. University of Helsinki, University of Tampere, Finnish Immigration Service.

<<http://www.migrationinformation.org/feature/display.cfm?ID=825>>. [Просмотрен

23.2.2012]

Гендерная идентичность. *Национальная психологическая энциклопедия*.

<<http://vocabulary.ru/dictionary/43/word/gendernaja-identichnost>>. [Просмотрен

10.1.2014]

Гусев, А. 2009. *Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на*

социальные последствия интесификации пространственных перемещений.

Статьи и эссе. Социологическое обозрение. 2009. Том 8, номер 2, с. 72-79.

<http://www.intelros.ru/pdf/socoboz/02_2009/9.pdf>. [Просмотрен 12.10.2013]

Лейбин, В.М. 2010. *Словарь-справочник по психоанализу*.
<<http://vocabulary.ru/dictionary/881/word/identichnost>>. [Просмотрен 23.02.2012]

Попков, В.Д. 2007. *Эмиграция из Российской империи и Советского Союза в Европу: сравнительный анализ*. Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Том X, номер 3. <<http://www.jourssa.ru/2007/3/7aPopkov.pdf>>. [Просмотрен 7.03.2012]

Словарь гендерных терминов. <<http://www.owl.ru/gender/010.html>>. [Просмотрен 10.3.2012]

Словари:

Barker, Chris 2004. *The Sage Dictionary of Cultural Studies*. Sage Publications: London, Thousand Oaks, New Delhi.

Ненапечатанные материалы:

Huvärinen, Matti 2013. *Elämä ja kertomus*. Kurssin luentomateriaalit. Tampereen yliopisto: Tampere.